

Детективная мелодрама

Галина Романова

Лицензия на happy end

«ЭКСМО»

2007

Романова Г. В.

Лицензия на happy end / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2007 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-26037-9

Она всегда знала, чего хочет от жизни. И всегда поступала так, как хотела. Мама за это называла Екатерину эгоисткой. Бывший муж – идиоткой и сволочью. Друзья – баловнем судьбы. Друг, правда, был всего один, но зато какой... Вот с ним Екатерина Старкова и поссорилась. Уехала в богом забытый городишко развеять тоску. Сняла полдома у местной жительницы, освоила окрестности, а потом... заскучала. Развлекаясь ненавязчивым наблюдением за молодым таинственным соседом, она подумать не могла, к чему приведет нечаянный интерес. Во-первых, ее обвинят в страшном преступлении. Во-вторых, ее жизнь окажется под угрозой. А в-третьих... достаточно и первых двух пунктов, чтобы сойти с ума. И самое главное, помощи ждать неоткуда!!! Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-26037-9

© Романова Г. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Романова

Лицензия на happy end

Все события и герои вымышлены. Любое сходство является совпадением

Глава 1

Она всегда знала, чего хочет от жизни. И почти всегда делала так, как хотела. Мама за это называла ее эгоисткой. Бывший муж – идиоткой и сволочью. Друзья – баловнем судьбы. Друзей, правда, было не так уж и много. Если хорошо посчитать, то всего лишь один, но зато какой...

Вспомнив о нем, Катерина перехватила руль левой рукой, а правой нашарила на пассажирском сиденье мобильник. Распахнула стильную перламутровую телефонную крышечку, ткнула в кнопку с цифрой «пять» и удовлетворенно улыбнулась, услышав ровный зуммер.

– Тебе чего?! – отвратительно недовольным и заспанным голосом спросил Кирилл Дедков, как всегда, опустив приветствие.

– Привет, Дед, – укорила она старого друга и, завидев указатель на обочине, притормозила в паре метров от него. – Чего делаешь?

– А ты как думаешь, умница?! На часы смотрела? Если нет, то взгляни для начала, а потом задавайся идиотскими вопросами!!! – зарычал Кирилл, громко хрустнув плечевым суставом, тут же застонал, выругался и захныкал: – Все из-за тебя, Катька! Теперь весь день плечо ныть будет! Вот повернулся не так, и снова-здорово! Ну вечно ты не вовремя!

– Могу и не звонить, – попыталась она обидеться. – Вечно я не ко времени. То плечо у тебя ноет, то в голову стреляет, а мне, между прочим, совет твой надобен. Вот потому и звоню. А так разве стала бы я тебя будить в половине одиннадцатого утра, Кирюша!

Ее сарказм тут же оценили по достоинству.

– Ладно, старуха! Все нормально. Имею я право понуть хотя бы при тебе?! У Марка зубы режутся, всю ночь орал, хоть из дома беги. По очереди нянчились с Татьяной. Под утро только и угомонился.

Марк был младшим, третьим сыном Кирилла Дедкова. Первых двух он оставил своей прежней жене после безуспешных судебных разбирательств и попыток отстоять право хотя бы на одного ребенка.

Не отстоял!

Дети остались с его бывшей – Ангелиной. Решение судьи уложило Кирилла на обе лопатки. Он был раздавлен, пару месяцев безбожно гулял, проматывал деньги и толпами водил к себе на квартиру малолеток. Потом, очухавшись, вновь помчался в свой прежний дом и принялся умолять Ангелину позволить ему хотя бы раз в неделю забирать к себе пацанов.

Не позволила!

Мало того, надумала переезжать в другой город, где у нее якобы все сложилось и с личной жизнью, и с работой, и с жильем. Врала безбожно, Кирилл узнавал. Личной жизни никакой, работа так себе, а жильем она называла двухкомнатную хрущевку, оставленную ей троюродной теткой по материнской линии.

Кирилл взбесился и возобновил свой судебный террор, наняв сразу двух опытейших адвокатов. Денег те скачали с него прилично. Детей Дедкову никто не отдал, но переезд был отложен. Мотивацией оказалось несоответствие квартирного метража принятым нормам. И еще, судья вынес решение, позволяющее Дедкову видеться со своими сыновьями раз в две недели по выходным.

Ангелина пришла в ярость, очень долго бегала по инстанциям, апеллировала, топала ногами, но решение пересматривать никто не стал. И один раз в две недели, по субботам, Кирилл Дедков забирал своих мальчишек из школы. Приезжал в час дня за ними на машине, усаживал счастливых, смеющихся Мишу и Сережу на заднее сиденье и вез, куда глаза их глядели.

Однажды опоздал! Невиновен был абсолютно. В его машину, припаркованную у магазина, где он закупал сыновьям обязательные подарки, въехал один умник, перепутав спяную педаль. Сильно помял задний бампер, крыло и разбил фару. Платить на месте отказался наотрез, пришлось вызывать соответствующие службы, заполнять кучу бумаг, а время тикало.

Приехал к школе Дедков с опозданием в полтора часа. Нервничал страшно. Боялся, что детей уже забрала Ангелина.

Не забрала, хвала небесам!

Мальчишки с учительницей старшего сына Мишки гоняли по школьному двору ледышку, пытаясь забить гол между поставленных прямо на снег портфелей.

Увидели его, закричали, запрыгали, схватили упирающуюся учительницу за обе руки и потащили к его машине.

– Папа, папа, это Татьяна Иванна, она нам забила уже десять голов! – надрывался второклассник Сережа, сдвинув меховую шапку на макушку. – Мы ее уговорили не звонить маме, сказали, что ты обязательно приедешь. Она поверила!..

Татьяна Ивановна и в самом деле оказалась очень доверчивым человеком. Она верила всему, что говорил ей Дедков. Смотрела на него шоколадными глазами восточной красавицы, улыбалась и верила в любую его ложь. В какой-то момент Дедкову вдруг надоело ей врать, он взял да и женился на ней. Правда, предварительно выцарапал у своей подруги – Катерины Старковой – благословение.

Почему выцарапал? Да потому что Катерина умоляла Дедкова не портить жизнь бедной девочке. Сама к тому моменту проходившая через тернии бракоразводного процесса и имущественного дележа, Катерина ненавидела всех мужчин без исключения, воспылав немедленной симпатией к каждой женщине, даже самой недостойной и гадкой.

Она так и сказала своему другу, попросив предварительно извинения:

– Вы все козлы, Дед! А девочке еще жить да жить. Оставь ее в покое!

Дедков совета не послушался и на Татьяне Ивановне все-таки женился. И даже свадьбу устроил в ресторане, подкатив к нему на белом лимузине со своей молодой женой. А потом...

А потом, когда его неожиданное благородство и пылкие чувства чуть поостыли, Дедков заскучал. Все чаще стал задерживаться на службе, засиживаться у Катерины допоздна, по выходным уезжать на охоту и рыбалку. И кто знает, не обладай Татьяна терпением и мудростью, не люби Дедкова так преданно и верно, не разошлись бы они уже на втором году совместной жизни. А потом...

Потом родился Марк, и с рыбалками Дедкову пришлось завязать. Иначе Катерина грозила набить ему морду, если он еще раз оставит жену с крохотным младенцем на руках и один на один с грязными пеленками, несваренными обедами, неубранной квартирой и запущенной внешностью, в которой потерялась былая холеная красота.

Дедков мало-помалу уgomонился, но однажды вечером, уходя от Катерины в приличном подпитии, доверительно шепнул ей на прощание:

– Эх, Катька! Знал бы я, что все опять так же, по тем же рельсам и с теми же авоськами, я бы... Я бы никогда уже не женился. А если бы и женился, то только на тебе, дружище!

Разговору этому было почти полгода, но он до сих пор ей не давал покоя. Маетно как-то становилось, когда представлялось их с Дедковым возможное совместное проживание. Маетно и грустно.

– Так какой совет тебе надобен, старуха? – Дедков неприлично громко зевнул ей прямо в ухо. – Спрашивай, позволяю!

Он вроде уже успокоился, а Катерина вдруг расстроилась. Ну чего он, в самом деле, с ней, как с мужиком?! Старуха...

Ну, Старкова она от рождения и что?! Это не дает ему права цеплять ей ярлыки, клички, будто она собака какая-то! Она уже забыла, когда он ее по имени нормально называл. То Катька, то старуха! Перед Татьяной, что ли, своей так выделяется, ревности ее страшится?...

– Чего молчишь? – заорал Дедков так, что она даже вздрогнула. – Уснула, что ли, за рулем, сатана?!

Час от часу не легче! Еще краше, еще милее!

– Слушай, Дедков, – начала она строго. – Если ты меня еще раз назовешь подобным образом, я тебе...

– Что? – притих тот сразу и насторожился.

– Я тебя пошлю куда подальше, вот! – У нее даже глаза зачесались от внезапной обиды и слезы запросились из глаз. – А совет мне уже и не нужен совсем. И без тебя решила, что еду именно в этот город.

– Это в который? – поинтересовался Кирилл противным бесцветным голосом, который она терпеть не могла, никогда не разберешь, что за этим последует.

Катерина по слогам прочла ему надпись на указателе, возле которого остановила свою машину.

– И почему именно туда? – все так же, не меняя интонации, спросил Дедков.

– А почему нет? Старинный русский город, с памятниками старины, многовековой историей, загадочным народом и... – Она набрала полную грудь воздуха, намереваясь сказать ему гадость. – И, слышала, мужики там шикарные.

– Ага! И все ждут не дождутся, когда Катька Старкова к ним пожалует! – фыркнул он, моментально ожесточаясь. – Чего же это она все свои тридцать с лишним лет прозябает в мегаполисе? Чего же не приедет и не сделает свой окончательный выбор, способный превратить ее унылую одинокую жизнь в разноцветную радугу? Ведь этот город просто создан для того, чтобы одарить ее счастьем! Нигде же больше подобного счастья не встретишь, только там! Да езжай ты куда хочешь, поняла, дура старая?!

Глава 2

Она теперь ни за что и никогда ему не позвонит после тех гадких слов, которые он не хотел, да сказал ей.

Дедков вздохнул, со злостью швырнув телефон в кресло напротив кровати. Мобила тут же утонула в ворохе выстиранных, но непоглаженных ползунков. И это снова разозлило его.

Сколько раз можно говорить, чтобы не расшвыривала детское белье по стульям и креслам! Есть же специальный комод. Нет! Выстирает, высушит и раскидает по всей квартире. Не квартира, а прачечная...

Кирилл перевел взгляд на спящую супругу, недовольно поморщился и тут же снова вспомнил о Катерине.

Не надо было говорить с ней так гадко. А зачем сказал? Хотел ужалить побольнее? Наверное, так. Да, именно так. Хотел, хотел, отрицать глупо. Зло вдруг взяло Дедкова Кирилла, да какое зло!

Мало того что отпуск свой решила провести так нелепо, колеся по просторам необъятной родины, чему он всячески противился, так еще и о мужиках каких-то речь вдруг завела.

Какие, спрашивается, мужики?! Какие?! Только успела раны зализать после Сандро своего, после его низкого дележа простыней и чашек с вилками. И что? Снова захотела на адреналиновую иглу? А плакаться ведь в его жилетку станет. И ныть, и выть, и ругаться, и проклинать на чем свет стоит все мужское племя. И опять даже не в этом дело. Сандро был ей пускай и никудышным, но все же мужем. А тут что?! Тут как?! Укатила за сотни верст искать приключений на одно место, а ему теперь ночей не спать! Он и так не спит из-за зубов своего младшего, так теперь и Старкова ему тему подбросила.

Дедков еще раз покосился на спящую Татьяну, понял, что теперь ему уже ни за что не уснуть, и, осторожно ступая, вышел из спальни и направился на кухню варить себе кофе.

Кухня была любимым местом Кирилла и его гордостью к тому же. Сколько сил, денег и нервов вложил он в ее переустройство. Ломались стены, кроились метры из кладовки и крохотного тамбура между коридором и лоджией. Вывешивались трехъярусные потолки, выравнивались стены, выкрашивались в его любимый оливковый цвет, и расставлялась потом мебель, сделанная по его индивидуальным эскизам.

Что особенно было мило Кириллу, так это узкий кожаный диван, опоясавший кухню по трем стенам, большой обеденный стол и еще небольшой бар, встроенный под окном. Возле него он теперь и присел, решив наплевать на кофе и чуть разбавить смурное утро коньячком.

Коньяка в баре оказалось граммов на сто в трех пузатых бутылках, не больше. Он достал их все. Слил коньяк в низкий стакан с широким дном, чуть поболтал, размешивая, и выпил, забыв поморщиться. Поморщился чуть позже, вспомнив, что обозвал Катю старую дурой.

Зачем?! Во-первых, это неправда. Ей всего было тридцать два, и моложе его она на целых три года. Во-вторых, выглядела она в свои тридцать два... Н-да...

Шикарно, одним словом, она выглядела.

Татьяне, что была ее много моложе, следовало бы поучиться у Катюшки мастерству. Не киснуть, не чахнуть, не вянуть прежде времени, а просто-напросто взять пару уроков у Старковой. Поинтересоваться, к примеру, как ухитряется Катерина, поднявшись утром с кровати в свои-то тридцать два, не быть лохматой, опухшей, с мутными, будто с перепоя, глазами. И спросить еще, почему Старкова всем на свете шикарным халатам предпочитает носить дома крохотные шортики и такие же малюсенькие маечки. Может, в этом секрет ее вечной молодости? Может, в этом отрицании домашних балахонов, в которые так любит кутаться его молодая жена Татьяна?...

Дедков подошел к окну, оперся о подоконник, выглянул на улицу и снова расстроился.

На улице всюду топились асфальт, солнце полировало стекла и крыши, изгоняя из городов праздную публику. В тень, к воде, к прохладе.

Катя на сегодня тоже оказалась праздной, отпуск у нее долгожданный и заслуженный. И она тоже, как и все, помчится, не успев устроиться с жильем, на речку. Будет выдвигаться там, ныряя со всех имеющихся вышек, а она умела делать это виртуозно. Катя станет нырять, а толпа шикарных, кем-то обещанных ей мужиков будет глазеть на нее с берега. А поглазеть было на что. Тут еще, как на грех, купальник ей выбрали на прошлой неделе более чем открытый. Он сам и помог с выбором, винить было некого. Когда выбрали, еще заставил примерить, оценил по достоинству, а потом весь остаток дня мучился от непонятного досадного чувства, будто он сделал что-то не то. Только теперь понял, что именно...

– Кирюша, – на кухню зашла Татьяна, пытаясь проморгать остатки сна. – Ты за молоком не сходишь, у Маркуши кушать нечего на утро.

– Схожу, – буркнул он недовольно и тут же отвернулся.

Обязательно нужно на ночь напяливать на себя ночную сорочку, напоминающую чехол от рояля? Это что для нее – неперемный атрибут семейной жизни? Было ведь что-то у нее, когда они еще только встречались, что-то воздушное, кружевное, что он с удовольствием стягивал с ее худеньких плеч. Куда все подевалось? Может, в груди невыглаженного белья потерялось?

– Тань. Тут такое дело... Ты давай определись, что еще нужно купить... – Он с трудом подыскивал слова, пытаясь выговорить то, до чего вдруг додумался, наблюдая из окна за сумасшедшими скачками июльского солнца по окнам и крышам.

– А что такое? – моментально насторожилась она и подбоченилась, сразу став похожей на заснеженный сноп в своей сорочке. – Что случилось?

– Ничего не случилось! Почему обязательно что-то должно случиться?! – вспыхнул он мгновенно, он все время теперь так заводился, неврастеник чертов. – Извини... Просто мне необходимо будет уехать на несколько дней. Командировка... Неожиданная...

– Да? – Татьяна подошла к нему, тронула за плечо, разворачивая на себя, уткнулась лбом в его голую грудь и прошептала: – А твоя командировка никак не связана со звонком Старковой?

Надо же, все слышала, а притворялась, будто бы спит. Дедков нехотя положил ладонь на ее потный затылок и погладил, приговаривая:

– Ну что ты, дурочка, что ты! Ревновать удумала или как? При чем тут Старкова? Если ты все слышала, то должна была понять, что мы разругались вдрызг.

– Вот, вот именно! – Татьяна едва слышно всхлипнула, прижимаясь к нему плотнее. – Ты же не можешь жить спокойно, если у твоей Старковой проблемы. Ты же на костер за нее пойдешь. А она тебя использует, как хочет!

– Эй, что за разговоры ты ведешь, женщина?! – попытался он отшутиться, шлепнув ее чуть ниже поясицы. – Смотри, накажу.

Шутка не прошла. Татьяна вдруг напряглась, отпрянула, глянула на него непривычно строго и даже с яростью и зашипела, зашипела:

– Это я тебя накажу, Кирюша! Я тебя так накажу!!! Только я не Ангелина, со мной твои штучки с дорогими адвокатами не пройдут! Я заберу Маркушу и уеду к родителям! Там тебе нас никогда не достать!

Это была нешуточная угроза. Папаша у Татьяны был достаточно влиятелен. В своем ближнем зарубежье обладал достаточной мощью и властью и запросто мог наложить запрет не только на свидания с сыном, но и на посещение Дедковым своей крохотной страны.

Кирилл рассвирепел, на пару минут стиснув зубы, а потом снова сказал не то, что собирался. Что-то его сегодня разобрало с утра однако.

Татьяна опешила.

– Что ты сказал?! Что ты сказал, повтори!!!

– Я сказал: делай, что считаешь нужным, – пробормотал он в смятении и побрел в спальню собираться.

Глава 3

Городок был небольшим и очень миленьким. Никаких тебе новостроек, все сплошь частный сектор. Нет, где-то далеко на западе торчали бетонные высотки, окутанные белесым смогом, но это было далеко, за рекой, а там, куда сразу заехала Старкова, был просто какой-то пряничный рай. Аккуратные домики, почти все сплошь выкрашенные в нежно-лимонный цвет. Милые палисадники за низкими заборчиками, напоминающими издали кружевные. Цветы, яблони, вишни. Клумбы утопали в цвету, деревья щедро плодоносили, благоухало так, что она неожиданно застыдилась и затушила сигарету в пепельнице.

Проехала один квартал, второй, третий. Улицы будто соперничали в названиях, стремясь угодить мировой истории, прославившей борцов за дело пролетариата: Ленина, Дзержинского, К. Маркса, Кирова...

Она изъездила их все вдоль и поперек, все высматривала, приценивалась. Потом все же вернулась на Дзержинского и после недолгих раздумий притормозила возле забора с вывеской «Сдается недорого».

Домик был небольшим, аккуратным, глазающим на улицу одним окошком, увитым диким виноградом. От калитки к крылечку вела песчаная дорожка в обрамлении клумб с тигровыми лилиями. За клумбами плотным частоколом сгрудились яблони. Яблок было так много, что листва за ними с трудом угадывалась. И пахло вокруг такой одуряющей свежестью, что Катерина тут же решила для себя, что, невзирая на едкий отзыв Дедкова, она здесь непременно останется.

Она не успела дойти до крылечка, когда к ней под ноги из саблевидных зарослей лилий выкатилось что-то огромное и рыжее. Выкатилось, тут же мякнуло и уставилось на нее демоническими зелеными глазами.

– Ух ты! – Старкова присела перед огромным рыжим котом и потянулась рукой, чтобы погладить. – И как же нас звать-величать?

– Васькой-паскудой его звать-величать, – отозвалось откуда-то из-за яблонь. – Не тронь его, девушка. Еще оцарапает! Ему станется, окаянному!!!

Пожилая женщина в чистеньком платье в крупный белый горох выбралась на дорожку. Отряхнула подол, заправила под косынку выбившиеся седые прядки и тут же потянулась к Катерине ладошкой.

– Меня тетей Машей зовут, а вы на отдых?

– Да, на отдых. На табличке написано, что дом сдается, – пожалала Старкова прохладную мозолистую руку. – Это ваш?

– Нет, соседский. Но ключи у меня. Хозяев нет, они давно в городе за рекой обретаются. А дом каждое лето сдают, – пояснила тетя Маша, ходко потрусив к крылечку. – Я бы вас и не услышала, как бы не бес этот рыжий. Он почище собаки любой, все чует. А вы проходите, проходите, осмотритесь. Понравится, цену оговорим. А коли нет, то и языком болтать попусту нечего. Так ведь?

Катерина кивнула, следом за женщиной ступая в темные прохладные сенцы.

– Здесь вот кухня, – повела ее тетя Маша по дому. – Газовая плита, холодильник, вода только холодная подведена. Горячую воду уж придется греть на плите. Туалет в огороде, слева за домом. Там и грядки посажены, огурцов прорва, клубника тоже сильная, еще не сошла. Можно побаловаться... Так, тут у нас горница, гостиная по-вашему. Телевизор, радио, все как положено. Диван не раскладывается, даже не пытайтесь, гвоздями хозяин забил, чтобы не распозался. А тут спальня. Кровати вам одной должно хватить. Ну, а коли не одна будете, то... Да, думаю, все равно хватит...

Женщина стрельнула в Катерину лукавым взглядом из-под края белоснежной косынки, развернулась и проговорила с улыбкой:

– Вы тут без меня осмотритесь. Понравится, оставайтесь. Нет, что же... Я на улице буду. Осмотритесь.

Тетя Маша ушла, сграбастав рыжего Ваську за мощный загривок. А Катерина еще раз прошлась по небольшому домику.

В кухне было немного тесновато, но чисто. Ровный ряд посуды в металлической сушилке над умывальником. Слева от умывальника вплотную к подоконнику стоял обеденный стол с тремя табуретками. Справа газовая плита с двумя конфорками. Возле двери, напротив окна, нашел себе место старенький холодильник с распахнутой настежь дверцей.

Катерина повертела в руках перевитый изоляцией в нескольких местах старый шнур и тут же воткнула вилку в розетку, захлопнув плотно дверцу.

Она остается, решила. Пускай диван в комнате намертво приколочен гвоздями. И койка односпальная, и тумбочка возле нее явно казарменного вида, она все равно остается. Хотя бы назло тому же Дедкову.

– Я остаюсь, – сказала, выходя из дома на улицу. – Мне понравилось.

– Вот и славно. Идемте за мной. Выдам вам постель, я ее сама стираю.

Еще полчаса ушло у Катерины на заселение. Они оговорили цену. Тетя Маша взяла с нее за две недели вперед. Выдала ей два комплекта постельного белья, кучу бесполезных советов и ушла к себе, пожелав приятного отдыха. Да, напоследок не забыла добавить:

– В доме не курить, если вы курите! Строго запрещено и хозяевами, и мной! Вы ведь не курите, Катя?!

При этом она посмотрела на нее с таким благоговейным ужасом, что Катерина не хотела, да затрясла отрицательно головой.

– Умница! – тут же похвалила ее теперешняя соседка по огороду. – Где это видано, чтобы бабы курили!!! Срам же и отрава! Из рта – что из помойки! Да и домик ветхий, не приведи господь, полыхнет, вся улица займется. Да и хозяева не велят курящим дом сдавать. Ни мужикам, ни бабам. Ну, обживайтесь!

Обживать дом она не спешила. Для начала нужно было осмотреть окрестности и определиться с местом для курения. Она же не бросит курить из-за глупых предрассудков случайных людей. Вот и пошла, переодевшись с дороги в шорты и футболку, по саду, огороду, высматривая себе укромный уголок.

Минут через десять Катерина расстроилась. Не было укромных мест, способных защитить ее от вездесущего ока тети Маши! Не было, хоть плачь. Попробовала нырнуть в яблони, как тут же услышала звонкое с другой стороны забора:

– Вы яблочек-то набирайте вон из-под той, что молнией стебануло. Они очень сладкие. Остальные ближе к августу годятся. А эти теперь в самый раз...

Катя промычала в ответ что-то невразумительное и поспешила обогнуть угол дома.

Там дело обстояло много хуже. Вся растительность, что буйствовала позади дома в огороде, едва доходила ей до колен. И разговора не могло быть, чтобы укрыться в пышных морковных метелках или в луковых грядках.

Она прошлась взад-вперед по огороду, начала было подумывать о том, чтобы съехать, когда усмотрела в изгороди, венчающей огород, крохотную покосившуюся калитку. Подошла, потрогала ее, убедилась, что всех запоров на ней – это двойной ряд ржавой проволоки, и тут же принялась ее распутывать.

– Зря вы это, Катерина, затеяли, – укорила тут же ее тетя Маша, ее голубое платье в белый горох мелькало уже в огороде, правда, в своем. – Там обрыв крутой. Внизу, правда, пляж был когда-то, но заросло все. Но обрыв дюже крутой. Не ровен час, ноги поломаете...

– Это ничего, тетя Маша! – Она так обрадовалась, что позабыла подосадовать на любопытную соседку. – Пройдусь, осмотрюсь, может, и искупаюсь.

– Ну, гляди, я предупредила. – По тону было заметно, что затея новой жилички ей не по душе.

Она поворчала еще немного и убралась, забрав с собой изо всех сил упирающегося рыжего кота. А Катерина, распутав проволоку, пошла вниз, осторожно ощупывая тонкими подошвами летних сандалий почву крутого склона.

Склон и в самом деле был достаточно крут, но совсем не казался непроходимым. В одном месте Старкова обнаружила довольно-таки прилично утоптанную тропу. Она начиналась откуда-то слева, от дома других соседей, и серпантинном спускалась вниз, к самой воде.

Ага! Катерина заулыбалась. Не все, оказывается, подвластно любопытству тети Маши. Пляж, куда Катерина спустилась, не казался столь уж запущенным и заросшим. Им явно кто-то пользовался, причем совсем недавно. На огромном валуне, возле самой воды, в центре недавно сорванного лопуха – тот даже увянуть не успел под палящим солнцем – валялся кусок мыла. И кусок этот был еще влажным. Катерина специально проверила, слегка коснувшись его кончиками пальцев. И еще песчаная кромка запечатлела отпечаток мужской стопы приблизительно сорок второго размера. Значит...

Значит, по соседству с Катериной жил мужчина. Возможно, что и одинокий. Будь у него жена, он ни за что не забыл бы мыло на пляже. И возможно, мужчина обеспеченный. Мыло было дорогим, о чем свидетельствовал еще не замыленный фирменный отпечаток в самом центре куска. Это было совсем неплохо, она снова улыбнулась, на сей раз не без удовлетворения.

Не все так плохо, черт возьми! Может, ее отдых, немного подгаженный Дедковым, еще и окажется приятным. Может, все еще и получится и ее перестанут наконец терзать противные мысли о том, что было бы, если бы Дедков снова не женился...

Скучно ей стало уже на третий день. Первые два она колесила по городу, знакомилась с достопримечательностями, покупала продукты, пыталась даже что-то готовить, а потом заскучала.

Каждый последующий день был похож на предыдущий, и она знала, что так и будет: ничего не изменится ни в среду, ни в четверг. Она так же будет вставать в половине десятого утра, бегать на пляж под бугор. Затем возвращаться, попутно завернув в заросли глухой крапивы покурить. Потом приготовит себе кофе с яичницей. Без аппетита позавтракает, снова проедется по городу, может быть, даже сходит в кино, но...

Но веселее ей от этого не станет. Тут еще, как на грех, Дедков как сквозь землю провалился, не звонил, паразит, третий день. А ей звонить первой гордость не позволяла. В конце концов, это он должен позвонить первым и извиниться. За старую дуру, к примеру.

Не звонил!

Он не звонил, а она наливалась глухой непроходимой тоской и каждый вечер перед сном загадывала, что завтра она непременно уедет. И уехала, как бы не интригующее любопытство, разбуженное ее соседом.

Сначала ее заинтриговали его ноги, потом интересное мнение о нем, а уже потом...

А потом случился тот самый его телефонный разговор, после которого Катерина Старкова не могла себе позволить, просто не имела права взять и уехать, не докопавшись до истины.

Ну, все по порядку.

Ноги его она увидела на второе утро своего пребывания в этом забытом богом городишке, поначалу показавшемся ей таким благословенным местом. Она забралась в заросли глухой крапивы покурить. Сначала сбегала на реку, быстро искупалась, потом на берегу фыркала и отряхивалась совершенно по-собачьи. И все озиралась по сторонам, не видит ли ее кто. Купалась ведь голышом. Оделась и только тогда уже полезла в бурьян. Уселась на дощечку, спе-

циально для этого дела принесенную из хозяйской пристройки. Вытряхнула сигаретку, взяла зажигалку и вот тут-то и услышала его шаги.

Мужчина – она не ошиблась, разгадывая оттиск его голой стопы на мокром песке, – шел шумно, не остерегаясь. Старкова встала на четвереньки и чуть подалась вперед, раздвигая носом бархатистые стрельчатые листья.

Да, она снова не ошиблась, приписывая соседу состоятельность. Кроссовки, в которых он ступал по тропе, стоили баксов четыреста, никак не меньше. Крепкие загорелые икры, хорошо развитые колени, стройные бедра, наполовину скрытые шортами. Все, дальше видно ничего не было. Попробуй она рассмотреть, чуть задрав голову, непременно обнаружила бы себя. А это казалось ей постыдным. Начнет задавать вопросы, еще подумает, будто в бурьяне она сидела по нужде какой-нибудь. Фу, стыдно. Она и затаилась. И пока мужчина шумно плавал, она быстро выбралась из своего укрытия, так и не покурив, и помчалась наверх.

Этим же днем Катерина Старкова очень подробно допросила тетю Машу, завуалировав свой интерес тем, что кто-то якобы топтался возле задней калитки.

– Этого быть не может, – отрезала та, накупившись. – Здесь отдыхающих ты да вон тот, что к Мокроусовым заселился.

– А кто это? – тут же поспешно вставила Катерина, подсунула под локоток пожилой женщины пакетик с жареными орешками и подхалимски предложила: – Угощайтесь.

Тетя Маша тут же жадно зачерпнула из пакетика и принялась хрустеть, приговаривая:

– Кто его знает, кто это? Машина дорогая. При-ехал один. Вроде бизнесмен какой-то. Только Нинка Мокроусова, у которой он угол снимает, говорит, что мужик какой-то себе на уме. От ее кухни отказался наотрез. Обедает в ресторане. Дружбы ни с кем не водит, вроде как не с руки ему. А третьего дня видели его у Голошихина двора. Выходил вроде из калитки. А чего он там забыл, спрашивается? Голошихин Ванька спился до такой степени, что себя не помнит по утрам. Бывает, что и одеколон пьет, и морилку и ходит потом с синей рожей по поселку. Чего такому важному мужчине делать у Голошихина?

– Кто его знает! – поддакнула в тон ей Катерина, вроде как с осуждением, а внутри все тут же зазудело, зачесалось от любопытства. – Действительно же, слишком разные люди для общения!

– Вот и вот. И телефон его!.. – Тетя Маша даже сплюнула, не пожалев ореховых крошек. – Нинка говорит, и звонит, и звонит без конца. То он, то ему! То он, то ему! Это какие нервы надо?

– А чего же он тогда этот дом не снял, в котором я остановилась? – задалась Катерина резонным вопросом. – Жил бы себе и разговоры вел без конца, никому не мешая.

– Так он только освободился, дом этот! Тут до тебя еще жили. Другой вопрос: почему в гостинице не поселился?!

– Вот-вот, – снова подхватила Катерина.

– Денег у него куры не клюют, Нинке заплатил даже с лихвой. Мест в гостинице полно.

– А надолго он поселился?

– Никто не знает. Нинка спросила было у него. А он сказал, как с делами закончу, так и съеду. А какие у него дела, прости господи?! Гольшом купаться по утрам, возле Голошихино двора крутиться да по телефону трепаться без конца. А, еще на машине гонять по городу, вот! – Тетя Маша еще что-то говорила и говорила нелестное в адрес Катинного соседа, но та ее уже не слушала.

Мыслями завладела загадочная соседская фигура.

Кто он? Почему поселился именно здесь, а не в городе за рекой? Что за дела его могут связывать со спившимся Голошихиным? Может, недвижимостью себе присматривает или еще какая причина...

Странно, но на последний вопрос тетя Маша уготовила занимательный, маловероятный, но все же ответ.

– Так Ванька, болтают, по весне у себя на огороде клад нашел, – запросто так проговорила она, высыпала на ладонь последние орешки из пакетика, второй рукой потерла поясницу и пожаловалась: – Ноет, гадина, дождь будет, не иначе.

– Какой клад?! – вытаращилась Старкова на тетю Машу, поясничные боли соседки ее занимали мало. – Настоящий клад?!

– Кто его знает. Болтают. Я лично не верю. Ванька, он трепло, каких поискать. Болтал спьяну, что нашел чего-то в огороде и вроде в милицию снес. Только никакая милиция ничего и в глаза не видала. У меня там зять работает, он знает. Все и забыли вроде, а Ванька как нажрется, так опять за свое. Он небось и этому бизнесмену спьяну наболтал, неспроста же тот возле него крутится. Ладно, Катерина, недосуг мне. Тесто подходит. Пирогам стану печь. К вечеру внуки с дочкой нагрянут. Ты, хочешь, заходи на огонек.

Она не хотела ни пирогов, ни лишних знакомств с тетей-Машиными отпрысками. Ей хотелось познакомиться с жильцом Мокроусовых и разузнать у того поподробнее про возможный клад, который нашел по весне местный пьяница – Иван Голощихин. Если крутой бизнесмен был у того в гостях, то наверняка Голощихин и ему хвалился про находку.

Вот бы узнать!!! Это же так интересно! Это занимательно! Это скрасит ее бездеятельное прозябание здесь.

Но сосед на контакт не шел. Пару раз, завидев его машину издали, Катерина принималась крутиться возле своей калитки. Но, как на грех, то тетя Маша ее отвлекала, то Мокроусова принималась самолично распахивать гаражные ворота, куда жилец ставил свою машину. А оттуда он напрямиком топал в дом, и рассмотреть его Катерина так и не смогла.

И вот однажды утром, по привычке устроившись на дощечке с сигаретой, Катерина снова услышала, как жилец Мокроусовых спускается к реке. Стоит заметить, что два предыдущих дня, сколько она его ни караулила, он так и не появился. А тут...

У нее даже дух перехватило от представившейся возможности познакомиться с ним поближе. Быстро убрав сигарету вместе с зажигалкой обратно в пачку, спрятав все это хозяйство под дощечкой, Катерина прошлась пальцами по волосам, одернула майку и совсем уже было собралась подняться в полный рост, как услышала:

– Да иди ты к хренам собачьим, Тарас! Ты думаешь, что сидеть вечно здесь рядом с ним – это хорошая затея?! Я тут уже всем старухам глаза промозолил! И мало этого, еще поселилась цыпа одна по соседству, так она глаз с меня не спускает... – Он помолчал немного, очевидно слушая, что говорит ему Тарас, а потом снова воскликнул на желчном подъеме: – А я знаю, что ей от меня нужно?! Ей, может, того же нужно, что и мне! А это ведь никуда не годится, так?... Ну почему сразу убирать?! Что ты за палач такой, Тарас?! Я даже имени ее не знаю, а ты сразу убирать!

Катерина Старкова была уже достаточно взрослой девочкой и без лишних комментариев разобралась, что на их сленге значило «убрать». Неведомый Тарас предлагал избавиться от нее, как от возможного нежелательного свидетеля, попросту говоря, он предлагал жильцу Мокроусовых ее убить.

За что?! Что она такого сотворила, что ей без лишних рассуждений быстренько вынесли приговор?! Она же...

Она же просто хотела с ним познакомиться, чтобы по возможности скрасить свое одиночество и его заодно, если получится! И глаз с него она не спускала именно по этой причине, а не по какой другой. И ничьи секреты и уж тем более клады ее не волновали.

Кстати, о кладе...

– Он клянется и божится, что отдал все милиции! – достаточно громко воскликнул добрый молодец и следом чуть тише: – А в ментуре ничего об этом не слышали... Да, кто-то врет! А кто?! Как хочешь, Тарас, как пожелаешь! Давай сам, я умываю руки!..

Тут он спустился почти к самой воде, и дальнейший их разговор Катерина не слышала. Но и полученной информации оказалось достаточно, чтобы толкнуть ее на дальнейшее безумство.

Что она сделала? Она сотворила самую большую, не считая брака с Сандро, в своей жизни глупость.

Она дождалась, когда жилец Мокроусовых пристроит свою одежду и телефон на том самом валуне, где однажды забыл кусок мыла, прыгнет в воду и уплывет достаточно далеко от берега. И только тогда очень осторожно, передвигаясь почти все время на четвереньках, пробралась к его вещам. Трясушимися руками, стараясь не оказаться на виду, она схватила его телефон. Нажала кнопку последнего вызова, просмотрела номер абонента, который так нагло предлагал распорядиться ее жизнью. Запомнила его, пару раз пробубнив себе под нос, осторожно вернула телефон на место и тут же начала карабкаться вверх по горе.

Ворвавшись в дом, будто за ней гнались все известные истории демоны, она вытряхнула из сумочки авторучку с блокнотом, быстро записала номер. И только тогда смогла отдышаться.

Вот это номер!!! Вот это да!!! Вот это, что называется, отдохнула в тихом, милом городишке! Что теперь делать?! Бежать? А смысл? Ее машина почти круглосуточно торчала возле забора. Номера наверняка были записаны, и личность ее если еще не установлена, то будет установлена непременно. А скорое бегство лишь возбудит нежелательное подозрение, поэтому...

Поэтому Катерина Старкова решила остаться.

Глава 4

Лишь сегодняшним утром Кирилл Дедков в полной мере осознал, насколько он несчастен. Все беды и неприятности, преследовавшие его после неудачного первого брака, показались ему смешными и нелепыми в сравнении с той бедой, что уготовила ему Татьяна.

А она уготовила ему страшное испытание, к которому он оказался не готов.

Он ведь сходил минувшим днем за молоком. И закупил еще четыре пакета продуктов, чтобы в его отсутствие семья ни в чем не испытывала нужды. Потом съездил на работу, договорился с начальником, который одновременно был ему и приятелем, что тот его прикроет в случае чего. Под случаем подразумевался неожиданный звонок Татьяны, если вдруг той понадобится внести ясность относительно его неожиданной командировки.

Приятель – Савостин Игорь Николаевич – даже выписал ему командировочное удостоверение, которое даже провел через бухгалтерию, указав, правда, совсем другой пункт назначения, нежели планировался Дедковым. Подстраховались, одним словом, основательно. Но все оказалось напрасным.

В утро, когда Дедков Кирилл укладывал в дорожную сумку смену белья, бритвенные принадлежности и пару маек на случай дикой жары, беды ничто не предвещало. Хотя Татьяна вела себя слегка неадекватно. Вместо того чтобы помогать мужу со сборами, как бывало прежде, она схватила полусонного Марка на руки, уселась с ребенком в гостиной и, поминутно глядя на часы, наблюдала за Кириллом.

Ему бы насторожиться, задаться вопросом: с чего это его жена с раннего утра вырядилась в легкий дорожный костюм, а не блуждает по дому в привычной глазу ночной сорочке?

Не задался, идиот!

Казалось бы, его должен был насторожить тот факт, что и Марка она для чего-то одела, словно на улицу с сыном идти собиралась, хотя время было совсем не привычное, не для прогулок.

Не насторожил!

Поэтому и бросился, ничего не подозревая, в прихожую, поспешил открыть дверь на требовательный звонок. Открыл дверь, а там...

На пороге стоял его тесть собственной персоной в окружении четырех здоровенных мужиков в пиджачных парах с оттопыренными подмышками.

– О! – только и успел вымолвить Кирилл, не зная, радоваться ему или горевать. – Доброе утро! Какими судьбами, батя?!

Батя его приветствие оставил без ответа. Потеснил небрежно от порога и ввалился вместе со своей свитой в квартиру.

– Таня, ты готова, дочь? – проговорил тесть, проходя в гостиную. – Как тут мой внук?

Внук тарачил на незнакомцев сонные глазенки и собирался, кажется, разреветься.

– С ним все хорошо, па. – Дочь подставила отцу щеку для поцелуя, передала ему на руки Марка и, сочтя все же объяснение необходимым, обронила в сторону опешившего супруга, застывшего посреди комнаты с флакончиком пены для бритья: – Мы уезжаем, Кирюша.

– Как уезжаете?! погоди, я что-то не пойму! – Дедков даже разозлиться как следует не успел, тарачил глаза на всех присутствующих и без конца повторял: – погоди, Тань, как уезжаете?! Что за хрень ты несешь?! Куда уезжаете?! Я продуктов накупил на три недели! Меня не будет буквально дня три-четыре, не больше. Ты справишься, Тань.

– Мы уезжаем, Кирилл. – Она подняла на него гневный взгляд, показавшийся ему сразу чужим и незнакомым.

– Надолго? – поставил он вопрос по-другому, глянул в недоумении на флакон, который тербил в руках, отшвырнул его куда-то в угол и снова спросил: – Надолго уезжаете?!

– Навсегда, Кирилл, – выдохнула жена с непередаваемым злорадством. – Я забираю Марку и уезжаю на родину. Так будет лучше для всех.

– Уезжаешь, да? А ты у меня спросила?! Ты спросила, что лучше мне? Что лучше Марку? Ты дура, что ли, совершенная?! Ты чего взъерепенилась, не пойму? Из-за моей командировки? Так отменю, господи ты боже мой! Отменю, раз тебе так хочется!

Он начал заводиться, хотя делать этого не следовало, этого от него и ждали. Надо было сдержаться, вести себя корректно. Попытаться договориться с ними цивилизованно. Сесть за стол переговоров и обсудить, черт побери, глупейшую ситуацию.

Все было провокацией от начала до конца. И неуточный визит ее папаши, и свита его, вооруженная до зубов, и решение жены, ничем не подкрепленное. Только понял он слишком поздно, когда уже лежал на полу с выкрученными за спину руками. А он и хотел-то только отобрать у тестя сына. Своего собственного, между прочим, сына. Сына, которого нянчил от рождения. И купал, и пеленал, и из бутылочки кормил. И последних две недели не спал ночами из-за того, что у того резались зубы.

А они забрать его собрались! Навсегда, между прочим! Кирилл и пошел на них с кулаками. Силы только оказались неравными. Охранники тестя сломили его сопротивление без лишних телодвижений. Уложили на пол лицом вниз, придавили коленками и держали его руки в таком вывернутом положении, что плечевой сустав, вечно не дающий ему покоя, захрустел, будто его выдернули.

– Не забирай ребенка!!! – рычал Кирилл, извиваясь на полу, будто ящерица. – Что я тебе сделал, дура?! Что такого я тебе сделал?!

– Ты сделал ей ребенка, – хохотнул утробно тесть, подошел к нему, присел перед ним на корточки, приподнял его голову за волосы и, надменно ухмыляясь ему прямо в глаза, проговорил: – Ты ей сделал ребенка, сына, этого достаточно, мой дорогой. У меня никогда не было наследника. А как без него в моем положении? Мне без него нельзя. Калечить мальчику жизнь я не позволю. Он должен быть воспитан в духе наших традиций, чтобы быть готовым нести бремя моего положения и моих денег, когда наступит его время.

– Пусть так! – перебил его Кирилл, все еще плохо понимая, что происходит. – Никто его не лишает деда. Ты можешь завещать ему все свое барахло, и когда он вырастет...

– Нет, так не получится, дорогой. – Тесть отцепил свою руку от его волос, и голова Дедкова шлепнулась с глухим стуком. – Вы с вашим демократизмом отравите ему сознание, и он просто-напросто окажется не готов к тому, что ему предначертано судьбой. Я давно бы это сделал. Но я не мог идти против воли Татьяны. Боялся, что моя дочь будет без тебя несчастлива. Но теперь все так удачно сложилось. Теперь она нажилась и хлебнула в достатке счастья с тобой, охламоном. Теперь она готова вернуться на родину. Так что...

– Так что?!

Дедков попытался отыскать взглядом Татьяну, но ее загородили грузные фигуры охранников, а может, она уже и вышла из квартиры, и ждет теперь своего папочку в его шикарной машине президентского класса.

– Все удачно сложилось, мой дорогой. – Тесть вытащил из кармана пиджака носовой платок и вытер о него пальцы той руки, которая трепала Дедкова за волосы. – Татьяна тебя разлюбила. Ты не сделал ее счастливой. Ты, кажется, и сам не знаешь, любил ли кого, кроме себя. Да, кстати! У тебя уже есть двое сыновей, с ними и утешься. А мой внук не должен жить в такой семье! Где все делится на троих. Тем более что те двое ему совершенно чужие...

Вон в чем дело! Прозрел моментально Дедков. Вот откуда у этой гнусной мелодрамы ноги произрастают! Татьяна не простила его любви к сыновьям от первого брака. Она старательно делала вид все эти годы, что мальчики ей не в тягость. Что она не злится, когда он уезжает к ним по субботам. И ей совершенно не жаль тех денег, которые он тратил на них сверх положенных

алиментов. И вежливо улыбалась всегда, когда он с упоением рассказывал ей про Мишку и Сережку, поддакивала даже.

А что оказалось на самом деле?

А на самом деле она их ненавидела, получается?! Ревновала своего сына, их общего, между прочим, к тем двоим, которых он никогда не переставал любить. И считала, что Марк обделен. Что ему плевать на то, в какой именно коляске Марк будет вывезен на прогулку, главное – выкroить денег Мишке и Сережке на летний отдых у моря.

– А что здесь дикого? Всем должно быть поровну! Они же все мои сыновья, – вяло огрызнулся Дедков в сторону Татьяны.

Она не ушла, оказывается. Она все это время торчала в прихожей. А потом выскочила оттуда и наговорила такого, что, если бы не Марк, он бы лично попросил папашу забрать свою дочурку к чертовой матери.

– Но не мои, скотина! – взвизгнула она тонко.

Подбежала к нему, расprostертому на полу, и наподдала ногой, за что тут же была проклята Дедковым на веки вечные.

– У меня один сын! И все должно быть только для него! Мне плевать на Мишу, Сережу, Васю, Петю и кого ты там еще успел наплодить! У меня сын один – Марк! И он не должен быть обделен.

– Он и не будет, дорогая. – Папа приобнял дочь за плечи одной рукой, второй небрежно удерживая внука.

– Держи ребенка аккуратнее, дедуля хренов! Уронишь! – снова не выдержав, возмутился Дедков и застонал от боли.

Чертов охранник снова дернул его за руку, и сустав, не выдержав, вышел из положенного места. Теперь еще и к травматологу визит обеспечен. Надо же, а утро так хорошо начиналось. Ничто не предвещало, и тут такое...

– Теперь это уже не твоя печаль, мой милый зять. Хотя теперь какой ты уже мне зять. Когда придешь в себя, ознакомься. – Тесть передал хныкающего Марка дочери, вытащил из кармана пиджака лист бумаги казенного образца и кинул Дедкову в лицо. – Ты теперь свободен, Кирилл. Да, чуть не забыл! Не пытайся что-то изменить. Мне проще стереть с лица земли все воспоминания о тебе, чем вернуть тебе Марка. Помни это, дорогой. Помни, живи пока, но оглядывайся. Все, уходим!..

Перед тем как уйти, дюжий молодец врезал Дедкову как следует. Врезал по самым уязвимым местам, исключив тем самым возможное преследование. И Кирилл еще с полчаса корчился на полу в собственной гостиной, рассматривая замысловатый узор на ковре. Когда боль понемногу отпустила, он поднялся на ноги. Прошелся взад-вперед по комнате. Вроде бы ничего, все цело. Даже плечо, как ни странно, не особо беспокоило. Чего нельзя было сказать о его душе. Там было так гадко, так омерзительно!..

Дедков нагнулся за листком, что швырнул ему в лицо тесть. Развернул и стал читать. Ну конечно! Глупо было ожидать иного. Свидетельством о расторжении их с Татьяной брака оказалась эта гнусная бумага. Дедков скомкал ее в руке и зашвырнул куда-то себе за спину.

Развелась, стало быть, гадина! Развелась за его спиной, вступив в сговор с папочкой своим, которому приспичило вдруг воспитать себе наследника. Ну а он, Дедков, тут при чем?! Почему он должен был выступать в роли суррогатного папашы?! Это ведь не вчера задумывалось – отобрать у него пацана, это обдумывалось днями, неделями и месяцами. Платились деньги, устраивались разводы, оформлялись документы. Они вот уехали теперь, а ему что делать?! Что делать в этой пустой квартире, забитой под потолок детскими вещами и игрушками?!

Гадкий комок тут как тут, встал в горле, и Кирилл глухо застонал.

Что устроили!!! Что натворили!!! Как он будет с этим жить? Как жить, есть, пить, дышать, зная, что где-то там его сын, с которым он уже никогда, никогда не увидится?!

Дедков побрел на кухню, сел прямо на пол перед баром, достал бутылку водки, открутил пробку и...

И так и не донес ее до рта. Пить нельзя, сказал он себе. Помощи от этого никакой. Будет только хуже. Такое же случалось прежде, когда Ангелина пошла войной против него. Что он выиграл? Да ничего! Только время зря потерял. Да и за руль пьяным не сядешь, а он ведь собирался...

Да, он ведь собирался вызволять из захолустья свою глупую подругу – Катю Старкову. Удумала тоже искать шикарных мужиков за сотни верст от родного города. Еще в историю какую вляпается со своим неумным желанием делать все по-своему. Надо хотя бы ради нее сохранить твердость духа и трезвость мысли. А водка, она никуда от него не денется. Она так и будет стоять в баре и ждать его возвращения.

Кирилл вошел в ванную, сунул голову под ледяную струю. Долго фыркал и плескал себе в лицо, пытаясь прогнать отвратительное жжение в глазах. Кое-как справился. Глянул на себя в зеркало, нашел, что для совершенно несчастного человека выглядит неплохо, и позвонил Савостину.

– Слышь, Игорек, а меня Танька бросила, – сказал он сразу, как только его приятель и начальник в одном лице снял трубку.

– Да ну! Когда?! Слушай, когда ты только успеваешь?! – попытался тот сострить.

– Только что бросила, Гоша! Ввалился ее папочка, приволок с собой целую армию твердолобых охранников, они меня на полу распластали и... И Марка забрали, представляешь?! – На последних словах голос все же изменил, как Дедков ни крепился. – И я его никогда больше не увижу, Гоша!

– Кто сказал? – осторожно вставил друг, поняв, что с остротами надо бы повременить, слишком уж голос Кирилла был надрывным.

– Папа ее и сказал. Швырнул мне в морду свидетельство о расторжении брака. Предупредил, чтобы я жил теперь с оглядкой и не пытался вернуть свою семью.

– О как!!! – ахнул Савостин, и не понять было, чего в этом возгласе больше – горечи или зависти.

Сам Игорек был женат единожды, детей не имел. Не желали они их иметь по обоюдному с женой согласию. Жену свою терпеть не мог, сотни раз намеревался с ней расстаться, но всякий раз его останавливал один-единственный аргумент – контрольный пакет акций их общего бизнеса в ее руках. Может, потому и ненавидел ее, что оставить не мог, черт его знает.

– Да ладно бы Танька, хрен с ней! Таких, как она, пруд пруди, но Марк. Ты же знаешь мое отношение к детям, Гоша! Что делать, а, дружище?! Что?! – Дедков снова очень некстати вспомнил о водке, спрятанной им в бар. – Нажраться, что ли?!

– Хочешь, составлю компанию? – подхватил участливо Савостин и даже в кресле заерзал от перспективы выпить и как следует пройтись по костям слабой половины человечества.

– А работа? – все еще пытался сопротивляться Кирилл. – Прямо уедешь с самого утра ко мне, пить водку?

– Легко! Так я поехал?... – И чтобы Кирилл не передумал, Игорек отключился.

Тут же суетливо сбегал в комнату отдыха, расположенную дверью напротив через приемную. Собрал внушительный пакет со спиртным, бросил туда банку черной икры, палку копченой колбасы, компот с ананасами, несколько упаковок бутербродного сыра и четыре апельсина.

Секретарша, выпрыгнувшая из-за своего стола и последовавшая за ним, удивленно выкаатила голубые глазищи.

– Игорек! Ты куда это собрался?!

– У друга беда, надо поддержать, Ленок, – пояснил Игорь и тут же попросил: – Ты уж меня прикрой, Ленок, если гарпия моя явится. Хорошо?

– Конечно, прикрою, но как же наши планы? Мы же собирались вечером... – нараспев проворчала Леночка, скрестив пальцы на удачу.

Сегодня вечером он ей был совершенно не нужен, ну нисколько. Отказать ему, когда он просил задержаться или съездить с ним в сауну, она не имела права, конечно, но если он сам от нее отказывается, глупо было бы не воспользоваться моментом.

– Да будет у нас с тобой еще не один вечер, Ленок! – на подъеме подхватил Игорек, свойски устраивая потные ладони на ее декольтированной груди. – Моя собирается в следующем месяце в турне по Европе, тогда и оторвемся. Идет?

Она лишь кивнула, мысленно послав своего шефа и мучителя ко всем чертям. Она его не то что ненавидела, она его глубоко и прочно презирала. Мужчина, который живет рядом со стареющей жадной стервой ради денег, недостойн уважения. Молодой, достаточно привлекательный, если не сказать красивый, а губит себя ради горы бумажной, еженощно укладываясь в постылую постель.

Упреков в свой адрес, намекающих на ее меркантильность, Леночка никогда не принимала и не приняла бы. Она с ним не из-за денег, ну, или не из-за них одних. Она с ним ради удовольствия, Игорек умел его доставить.

– Так я пошел? – Савостин с трудом оторвался от четвертого размера груди секретарши Леночки, потоптался у порога комнаты отдыха и, жалко улыбнувшись, снова попросил: – Ты уж подстрахуй, Ленок. Не забудь...

Тремя часами позже Савостин пьяно улыбался несчастному Дедкову и уговаривал, смешно коверкая слова:

– Дурак ты, Кирюха! Форменный дурак! Ты счастья своего просто оценить пока не в состоянии! А оно тебе привалило, поверь!

– Да ну!

Дедков хмуро смотрел перед собой, проклиная себя в сотый, наверное, раз, что пошел на поводу у Савостина и напился. Легче, как и ожидалось, не стало. Притупилось немного в груди, да. Чуть завязло, сделавшись липким, клейким и оттого еще более противным его горе. Но облегчения не наступило. И гвоздем в мозгах сидела мысль о Катьке, которая мало того что укатила к черту на кулички, так еще и телефон отключила из вредности.

Что из вредности, Дедков не сомневался. Обиделась на него за «дуру старую», вот и отключилась. А то еще чего вредного удумала, новую симку купила, а новый номер не сообщила. О том, что с Катькой могло что-то случиться, Дедков даже и не думал. Он просто мысли такой не мог допустить по одной простой причине: что все несчастья на него за один день свалиться не могут.

Глава 5

– Слушай, Василек, ты мне услугу не окажешь? – сладким-сладким, будто патока, голосом пропела Катерина, прижимая плечом к уху свой мобильник.

– Та-а-ак! Старкова, последний раз ты со мной разговаривала подобным образом, когда твой милейший Сандро сбил на пешеходном переходе пожилую женщину, – настороженно ответил ей еще один старый друг. Правда, рангом пониже Дедкова. – Что на этот раз?! Что натворил твой любезный?!

– Успокойся, Василек, – заторопилась Катерина, сощурившись от яркого солнца, исколовшего ей глазные яблоки до радужных кругов, что вдруг поплыли над рекой.

Она выбралась-таки на городской пляж. И, облачившись в недавно купленный купальник, добросовестно переворачивалась уже полтора часа с живота на спину. Загорать ее смуглой коже смысла не было, зато имелся смысл находиться на глазах у соседа, что бомбил визитами Ивана Голошихина, общался с неведомым ей Тарасом, а тот, в свою очередь, желал ей не чего-нибудь, а смерти.

– Сандро давно числится в бывших супругах.

– Да ну! Не верю, старуха!

И он, блин, туда же. Мало ей Дедкова, так теперь еще и Василий Терехов, прозванный Теркой еще со стародавних времен, будет ее именовать так гадко. Вот погодите, мерзавцы, вернется домой, она им устроит выходные дни с головомойкой. Она на-учит их общению с молодой еще женщиной.

– Такая любовь! Такая страсть!!! Под вашими ногами земля же горела, когда вы рука об руку шли! И вдруг в бывших! А кто кого бросил, если не секрет? – ядовито поинтересовался Терехов, давно и безуспешно штурмующий ее женское естество. – Ты его или он тебя, а, Катерина?

Конечно же, она... была оставлена красавцем Сандро. Оставлена ради молоденьких прелестниц, которым он правил потянутые лодыжки, массировал позвончики и которых избавлял от целлюлита. Массажистом был ее бывший муженек. Модным, красивым, высокооплачиваемым, а оттого и чрезмерно востребованным.

– Какая тебе разница, Терка?! – возмутилась Катерина, краем глаза заметив, что сосед вроде бы направляется в ее сторону. – Какая тебе разница, скажи, кто кого бросил?! Это принципиально?

– Ну, конечно! – Васька рассмеялся отвратительно и тут же, оборвав свой смех, с интимным придыханием шепнул: – Если ты его бросила, я могу все еще на что-то надеяться. А если он тебя...

– Что тогда? – лениво поинтересовалась Старкова и перевернулась животом вверх.

– Тогда мои дела дрянь. Ты же станешь его оплакивать, страдать, проклинать всех, кого он полюбит после тебя. Считать их недостойными, гадкими особами.

Приблизительно так оно и было первые два месяца после развода. Она их проклинала, ненавидела, считала гадкими и недостойными, гнусно обольстившими ее красавца мужа, чрезмерно падкого до женских прелестей. Потом случился раздел имущества, и Катерина думать так перестала. Сандро проявил себя таким мелочным, таким отвратительно меркантильным, ведь он даже столовое серебро разделил по три ложечки каждому. А когда встал вопрос о дележе трех скатертей, привезенных Катерине матерью из-за границы, он просто сделался несчастным, не зная, как три делить на два.

Она нашла тогда выход, да какой! Она схватила ножницы и расплосовала пополам одну из самых лучших, одну из самых красивых. Сандро едва сдержал слезу, обозвав ее истеричной гадиной. Как вам такой расклад?!

– Я его не оплакиваю, Василек, – утешила, как могла, старого друга Старкова. – Я его ненавижу!

– Тоже не очень... – Терехов озадаченно прищелкнул языком. – От ненависти до любви, сама знаешь, всего ничего. Слушай, Старкова, а ты где сейчас вообще? Чего это вдруг звонишь мне, не захав?

– Я на отдыхе, Василек, – терпеливо молвила Катерина.

Палящее солнце ее доконало, хотелось окунуться в воду и сидеть там до самого заката. Дернул ее черт выбраться сегодня из спасительной прохлады старого съемного домика, утопающего в тени яблонь и дикого винограда. Дернул ее черт выехать следом за соседом.

А тот, как на грех, не шел на контакт. Если и глазел в ее сторону, то без малейших намеков на любезность. Сейчас вон снова прошуровал мимо, а она-то надеялась...

Дошел до ларька с прохладительными напитками, купил что-то, Катерине с ее места видно не было, что именно.

Может, ей самой инициативу проявить? Может, просто подойти, оскалиться по-голливудски и предложить...

– Как это на отдыхе?! – перебил плавное течение ее крамольных мыслей Терехов. – И просишь теперь оказать тебе услугу? Какого плана, интересно? Погоди, попробую догадаться... Наверняка затеяла курортный романишко и жаждешь пробить по базе того человечка, с которым нежишься? Я угадал?

– Почти, – начала Катерина и тут же, услышав протяжный стон Терехова, поспешила успокоить: – Но не совсем! Дело обстоит много хуже, чем ты можешь себе представить, Василек.

– Что опять?! Ты опять втрескалась?! – То ли он в самом деле так переживал, то ли издевался, но трагизма в голосе на четверых хватило бы. – Старкова, тебе не стыдно, в твоём-то возрасте! Уж прости, что об этом вспоминаю, но пора бы, пора тебе остепениться!

– Дурак ты, Терка! – не выдержала она его причитаний, тут еще снова сосед прокоптил мимо и даже не покосился в ее сторону. – Все много хуже! Меня хотят убить!!!

– Что? Тебя? Да кому ты... Та-ак! И куда на сей раз ты вляпалась? – наконец-то, Терехов проникся и забеспокоился.

Катерина живенько представила себе, как он сейчас нервно теребит узел галстука, пытается расстегнуть пуговку тугого накрахмаленного воротничка. Он всегда так делал, когда нервничал. И еще пытается найти что-то неведомое в ящиках стола. Он начинал ими поминутно двигать, когда психовал, хотя необходимости в этом почти никогда не было.

– Вот и звоню тебе, чтобы не вляпаться, – промурлыкала Катерина, заметила, что сосед снова удостоил ее вниманием, и живописно изогнулась, поправляя под собой махровую простыню. – Тут такое дело, Василек, что по телефону всего и не расскажешь. Ты лучше номерок телефонный один пробей и узнай по возможности, что это за клиент. Идет?

– Идет, – проворчал Терехов после непродолжительной паузы. – Диктуй.

Она быстро выговорила ему набор цифр, которые заучила наизусть. Пожелала другу удачи и отключилась, решив искупаться. Сосед как раз полез в воду, и она поняла: либо сейчас, либо никогда.

Прохлада воды обожгла пережаренное на солнце тело, и Катерина невольно ахнула. Но, заметив, что интригующая ее темная макушка неумолимо удаляется от берега, прыгнула и поплыла.

Она догонит его, непременно догонит! Она плавает ничуть не хуже, хотя и силы явно не равные.

Догнала и с улыбкой, проплыв бок о бок метра три, проговорила:

– Неплохой сегодня день, не правда ли?

– Да, ничего, – осторожно заметил мужчина, вблизи он показался ей много моложе и много привлекательнее, чем на расстоянии. – Вы неплохо плаваете.

– Ага! – обрадовалась сразу она представившейся возможности продолжить разговор. – Я еще много чего неплохо делаю!

– Да? И что же?

Он развернулся к ней лицом и уставился, как на своего злейшего врага, что вдохновляло мало. Но Катерина была полна решимости, и суровость его взора ее не напугала.

– Я неплохо пою, танцую, и собеседник я исключительный, – продолжала она скалиться. – А вы что делаете сегодня вечером?

– То же, что и вчера. Отдыхаю! – с явным намеком на то, что вмешательства в свою личную жизнь он допускать не намерен, ответил сосед. Потом все же счел, что это невежливо, и поинтересовался для приличия: – А вы?

– А я... То же, что и вчера, – продолжу скучать! На редкость унылый городишко, не находите? – Она устала, пора было разворачиваться и плыть к берегу, но сосед упорно греб в обратную сторону.

– Да нет. Нормально, – буркнул он, покосился в ее сторону и нехотя спросил: – Вас как зовут?

– Катерина. А вас?

– А я Александр. Давайте поплывем обратно, вы явно устали. Не хватало мне еще вас спасать.

Они развернулись и обратный до берега путь проделали в полном молчании.

Александр, значит, размышляла Катерина, отфыркиваясь. Однажды судьба сподобилась преподнести ей одного Александра в лице бывшего мужа. Звался он, правда, очень замысловато – Сандро. Хотя корни у того были рязанскими, и все детство пробегал он в сандалиях по пыльным деревенским улицам обычным Сашкой, а чаще всего просто Шуриком. Когда подрос, выклянчил у родителей медицинское образование, попал в струю, занявшись частной практикой массажиста, и стал Сандро.

Высокий, смуглокожий, черноволосый, с повадками огромной хищной кошки, с бицепсами борца и сильными порочными пальцами, он не мог быть простым Сашкой. Жизнь в большом городе, пристальное внимание женщин, зачастую красивых и молоденьких, развратили его, и он уже почти не вспоминал о своих корнях. И дорогу в деревню к родителям забыл, отделяясь ежемесячными денежными посланиями...

Тот Сандро, что плыл сейчас слева от Катерины, тоже был под стать ее бывшему мужу. Такой же крепкий, загорелый и красивый лицом, только от женщин он почему-то шараялся. В частности, от нее. Почему?

Почему молодому красивому мужику не увлечься одинокой привлекательной женщиной, мающейся в одиночестве по соседству? Что его останавливает? Осторожность или какой-то тайный порок, напрямую намекающий на его преступную деятельность?

То, что Александр весьма и весьма не прост, Катерина поняла сразу. Тут вам и непонятный интерес к Голощихину, потихоньку спивающемуся в старом развалившемся доме, и странный телефонный разговор, свидетелем которого она невольно стала.

Ну, ничего, решила она, нащупав босыми ногами песчаное дно. Он от нее никуда не денется. Ни он, ни Иван Голощихин. С тем она непременно переговорит, только дождется, когда он протрезвеет. Пока ей с этим не везло, Голощихин ушел в запой, а это, как подсказала тетя Маша, на неделю, не меньше.

– Катерина, – окликнул ее новый знакомый с неблагозвучным для нее именем. – Вас подвезти?

– Спасибо, я на машине, – лучезарно улыбнулась она, отжимая кончики намокших волос. – А вот пообедать бы не помешало где-нибудь в городе. Устала вкушать трапезу в одиночестве. Вы как?

Обедать с ней он не желал. Это было видно по насупленным бровям, по сведенному судорогой недовольства рту, но отказать он не посмел. Уж из каких таких соображений, бог его знает.

– Хорошо. Идет. Я знаю тут одно неплохое местечко. Кавказская кухня. Готовят славно. Вы как насчет кавказской кухни? Ничего не имеете против? – пробубнил он, глядя куда-то в сторону.

Катерина даже обиделась немного. Разве у нее не на что посмотреть? Да в том купальнике, который они выбрали с Дедковым, только и делай, что смотри! Все буквально на виду, ни одно достоинство не сокрыто, а их у нее...

– Ничего не имею против, – через силу улыбнулась Старкова, мысленно содрогнувшись от подобной перспективы.

Не любила она никакой экзотики, хоть убей! Ей бы чего попроще, поделикатнее для желудка. Ши, к примеру, со сметанкой. Или картошечка с укропчиком, ну и с котлеткой, как полагается. А харчо, шурпа и прочие густые пряные похлебки неизменно вызывали у нее изжогу. Ладно, потерпит ради скрепления уз знакомства. Выберет себе что-нибудь менее жирное и острое.

Они сели каждый в свою машину. Александр резво взял с места, Катерина выехала со стоянки следом за ним и всю дорогу до ресторана слабо охала, безбожно нарушая скоростной режим. Минут через десять они, изрядно поколесив по городу, остановились в самом центре города возле помпезно отделанного шероховатым камнем здания. По камню ползли искусственные лианы, изрядно выцветшие под палящим солнцем. Перед входом в ресторан уныло плевался тонкой струйкой крохотный фонтанчик.

Александр затормозил почти возле самых ступеней, выбрался из машины и, кивнув Катерине, сразу же пошел внутрь.

Вот вам и любезность, опешила она, почти бегом бросившись за ним. Оказалось, что поспешил он от нее отделаться с одной-единственной целью – успеть переговорить по телефону все с тем же Тарасом. Последняя фраза, что достигла слуха Старковой, была:

– Да, я не дурак, Тарас! Все под контролем. Так, я считаю, лучше. В смысле, когда на виду.

Тут Катерина как раз и выбралась на тот самый вид, о котором спешил доложить Александр Тарасу, и он резко свернул разговор. И даже галантно предложил ей свою руку, проводив до самого столика.

– Что заказывать станете? – деловито осведомился он, заметно повеселев после Тараскиного благословения, надо полагать. – Рекомендую шашлык, он тут отменный. Рагу отличное. Сациви тоже неплохое. И так?

Старкова остановила свой выбор на печеных баклажанах, зажаренных вполне тривиально, почти по-отечественному, куриных крылышках и салате из красного перца.

Заказ прибыл минут через двадцать. Все это время они пытались поддерживать вежливый разговор. Вернее, это она пыталась. Александр лишь отвечал на ее вопросы, старательно перед этим обдумывая ответы.

В результате их общих напряженных трудов у Катерины сложился приблизительно следующий портрет ее нового знакомого.

Холост или говорил, что холост. Живет неподалеку от того города, из которого она не так давно рванула на поиски приключений. Занимается бизнесом, каким конкретно, ответил весьма уклончиво, что-то связанное со сбытом строительных материалов. В этот забытый богом и цивилизацией городишко прибыл с той же самой целью, что и она, – отдохнуть от

тягот жизни и смога крупных населенных пунктов, а также от клиентов, что не давали покоя ни днем, ни ночью.

В свою очередь Старкова поделилась с ним своей вымышленной биографией.

Якобы она работает учительницей во вспомогательной школе. Добавила, не соврав, что разведена, детей не имеет. Жизнью своей в принципе довольна. Одинока бывает лишь на отдыхе, что тоже являлось полуправдой. В одиночестве-то она прозябала лишь здесь. Все прошлые ее поездки были полны знакомств, шумных вечеринок и целой кучей номеров контактных телефонов. Но об этом Александру знать было ненадобно. Он заметно повеселел, услышав от нее ее историю.

– Невеселая ваша жизнь однако, – пожалел даже ее, когда она закончила говорить. – Трудно учить детей, особенно...

– Да, невесело, – с печалью поддакнула Катерина, мысленно послав его к черту.

Учить детей ей нравилось, а она их и в самом деле учила, правда, литературе и в обычной средней школе. Дети ее любили и прозвищ обидных, в отличие от друзей, не давали. Звали ее за глаза Катенькой или Котенком.

– А что заставило вас пойти туда работать? – не унимался ее сосед, громко хлебая из глиняной миски густую похлебку, пряно пахнущую чесноком. – Льготы?

Об этом она никогда не задумывалась, если честно. И в первую минуту растерялась, принявшись изворачиваться и врать что-то о чувстве долга. Он принял, поддакнув:

– Если не вы, то кто же, так?

– Ага! – обрадовалась подказке Старкова, обгладывая куриное крылышко. – Именно!.. Я вот что хотела у вас спросить, Саша... Как вам обитатели нашей улицы? Хозяйка своим присутствием не докучает?

– Нет, – последовал краткий ответ.

– Колоритный народ, конечно. Тетя Маша, что заселяла меня, таких историй насочинять способна. Представляете, второй день потчует меня какой-то легендой о кладе, что нашел вроде их местный пьяница.

Ой, не надо было ей даже заикаться об этом! Ой, не надо! Поспешила!

Александр так и замер с занесенной у рта ложкой. Замер, побледнел до неприятной желтизны. Спрятал лицо в носовой платок, пытаясь откашляться вроде бы. А потом осторожно так спрашивает:

– И что она вам рассказала, эта ваша тетя Маша?

Угроза в его голосе угадывалась, пронизательной быть не надо. Поэтому она тут же заспешила, стремясь обезопасить разговорчивую женщину.

– Да то же, что и всему городу, наверное, известно! – Катерина делано рассмеялась. – Что вроде бы этот пьяница по весне нашел у себя на огороде клад, представляете!

– Ну! А дальше что?! – Угроза плеснулась в нее из его глаз.

– Я-то откуда знаю? – Старкова взгляд уткнула в стол, вроде бы пробуя салат, от которого у нее во рту тут же загорелось. – Вроде в милицию сдал. Чудак, правда?

– Почему? – Александр с каждой минутой становился все угрюмее и угрюмее. – Почему чудак?

– Кто же в наши времена с богатством расстанется? Таким благородством может теперь либо юродивый страдать, либо... – Катерина вздохнула, отчетливо осознав, что ее неумолимо несет не в ту степь. – Либо пьяница. Что, собственно, и имеет место быть.

Александр обдумывал ее слова минут десять. Молчал, наедался шашлыком сразу с трех шампуров и упорно не смотрел в ее сторону. Потом отер сальный рот салфетками, зачерпнув их с подставки сразу дюжину, и спросил:

– А не говорил тот самый пьяница, что именно он нашел?

– То есть? – Она и правда не сразу поняла, что именно он желает знать.

– Что было в том кладе? Что за клад такой вообще? Кто-то находит старинные иконы, кто-то горшок с золотыми червонцами, а кто-то...

– Ой, не знаю! – перебила его Катерина. – Но, думаю, врет он. В милиции сей факт отрицают.

Это было очередной ее промашкой, потому что Александр тут же вцепился в нее.

– А это вам тоже тетя Маша рассказала? – спросил он с желчью.

– Ну да. Она, – кивнула Старкова, мысленно извинившись перед бедной женщиной. – Вот я и говорю, какой клад, если о нем никто, кроме него, не знает?!

– Да... – Александр снова погрузился в размышления, скатывая на столе грудку сальных салфеток в один внушительный неряшливый комок. – Да, действительно... Это ведь вы правильно сказали... Никто, кроме него, не знает. Ни милиция, никто. Стало быть...

– Стало быть, что? – Она даже через стол попыталась перегнуться, не тарелки – точно вцепилась бы в его полосатую трикотажную рубашку.

– Стало быть, либо он врет, либо оставил клад себе, – ошарашил ее Александр неожиданным выводом, недобро, почти по-волчьи улыбнувшись ей прямо в глаза.

Тему клада они свернули по обоюдному молчаливому согласию буквально через минуту, перекинувшись на обсуждение преимуществ отдыха на море. На той же волне покинули ресторан, распрощавшись прямо на ступеньках. У Александра обнаружились неожиданные дела в городе, и он ее, мягко говоря, отшил.

Сев в машину, Катерина резво вырулила со стоянки и взяла курс на отделение милиции. Она узнает все, решила, узнает, с чьей-то помощью или без оной. Узнает, для начала посетив местный участок. Там ведь должны знать о найденном кладе, если таковой имелся. Хотя, наверное, все же имелся. Неспроста Александр приехал в этот город, только что с воодушевлением перечислив ей преимущества отдыха на курорте. Неспроста крутился на улице Дзержинского и навещал Голошихина.

Чего, спрашивается, на море не поехал, раз ему там так нравится?...

Милицейский райотдел в этом городе был всего лишь один. Дежурная часть была отделена от посетителей стеклянной перегородкой с крохотным окошком посередине. К нему Старкова и прильнула, старательно изображая деловитость.

– Мне нужен участковый с улицы Дзержинского, – отрапортовала она, когда дежурный удостоил ее вниманием. – Я могу с ним переговорить?

– Да, но позже. Он сейчас на обеде, – охотно отозвался дежурный. – Вы посидите на скамеечке перед кабинетом номер десять. Он подойдет с минуты на минуту.

– А как его имя-отчество?

– Борис Иванович Мишин. Он скоро будет, ждите.

Старкова прошла по коридору. Обнаружила запертую дверь с номерком десять. Села на жесткую скамью напротив и принялась ждать.

Борис Иванович явился через десять минут. Он оказался еще достаточно молодым, чернобровым, широкоплечим, ему бы еще роста сантиметров тридцать, и ничего получился бы мужчинка, а так...

Ей он не понравился сразу. Она ему тоже, потому что, поднявшись со своего места, оказалась почти на голову выше. Комплекс в крови Бориса Ивановича поднял голову и забурлил жгучей обидой на всех рослых баб мгновенно. Он глянул на нее с ненавистью и прокаркал:

– Чем могу служить, гражданочка?

– Служить мне не надо, – неудачно пошутила она. – А вот помочь можете.

По тому, как моментально перекосило полногубый рот Мишина, Старкова поняла, что на помощь надеяться особо не придется. И все же пошла следом за ним в кабинет, прокуренный до такой степени, что даже у нее – курильщицы со стажем – заслезились глаза.

Мишин поспешно занял место за столом. Разложил перед собой несколько пухлых папок. Устроил на них растопыренные локти и спросил:

– Итак, что привело вас ко мне? И как, кстати, вас звать-величать?

Она представилась и тут же полезла в сумочку за липовым удостоверением сотрудницы...

Отдел именовался очень замороченно и витиевато. Именно там служил Терехов Васька, никогда не открывая секрета, в какой именно должности. И точно так же всегда умалчивал, чем конкретно его отдел занимается. Они с Дедковым отстали от него со временем, но помощью периодически пользовались. И однажды на день рождения Терехов приволок ей это вот удостоверение и вручил со словами:

– Это твой последний лепесток, Старкова, от цветика-семицветика! Можешь использовать его лишь в случае крайней нужды. Когда это вопрос жизни и смерти...

Ее жизни угрожала опасность? Угрожала! Тарас с Александром вели переговоры на предмет того, как распорядиться ее судьбой? Вели! Можно считать данную ситуацию крайней нуждой? Запросто!

Она и сунула без лишних предисловий под нос Мишину Борису Ивановичу липовое удостоверение. И не без удовольствия наблюдала потом, как тот медленно меняется в лице, наливаясь апоплексическим румянцем. Читал он его долго – минут десять, наверное, читал.

– Что вы хотите? – обронил он бесцветным, полинявшим голосом, в котором не было и намека на гонор.

– Мне необходимо узнать, на самом ли деле Голошихин Иван, проживающий... – Старкова скороговоркой назвала его адрес, – весной нашел клад на своем огороде?

– Ох ты боже же мой! – Не побоялся он ее величественного статуса и шарахнул локтями об пухлые папки. – Вот идиот! Разболтал спяну, а теперь нам покоя не дают!

– А кто не дает покоя?

– Кто, кто!!! Все подряд! Сначала телевидение пожаловало. Потом корреспонденты из газет валом повалили. Теперь вот вы явились по наши души. Не ровен час, проверку пришлют с области. А вас, собственно, кто послал? – Его темные глаза подозрительно скользнули по ее пляжному наряду, состоящему из крохотной легкой юбочки, майки, едва достающей до пупка, и сандалий. – Больно уж неофициально вы выглядите, уж простите мою вольность.

– Меня? – Катерина так растерялась, так перепугалась того, что Мишин станет требовать с нее сейчас какие-нибудь документы или контактные телефоны, что тут же поспешила рассказать ему всю правду. – Меня никто не посылал. Я в частном порядке, так сказать. Отдыхаю я в вашем городе. Остановилась как раз на улице Дзержинского, услышала эту странную историю с пропавшим в никуда кладом. И решила удовлетворить свое любопытство.

– А удостоверение зачем мне тогда показали? – недовольно попенял ей Мишин, испуг перед властными структурами его заметно отпустил.

– А стали бы вы со мной без него разговаривать? – Катерина лукаво улыбнулась.

– Пожалуй, что нет, – согласился Борис Иванович и поерзал на стуле. – Только говорить особо не о чем. Не было никакого клада. Врет этот гад! Врет и лишь подрывает авторитет приличных людей. Допился до чертей, вот ему и мерещится черт-те что, простите! Он врет, а нам расхлебывай! Начальник поначалу хотел даже его к ответственности привлечь, да потом рукой махнул. Ваньке и так никто не верит. Посудите сами, разве понес бы он эти деньги к нам, коли нашел бы?! Да он пропил бы их тут же, и дело с концом.

Деньги? Значит, все же деньги!

– И много было денег? – задумчиво обронила Старкова и, заметив, как недовольно полезли под густую челку мохнатые брови Мишина, поспешила добавить с улыбкой: – Что говорит Голошихин? Сколько он нашел?

– Да он каждый раз по-разному говорил, – хмыкнул Мишин. – То сумку нашел с пачками рублей. То чемодан с долларами. То и вовсе начал говорить, что мешок был банковский. И

сумму всякий раз называл разную. То сто тысяч, то двести, потом договорился до миллиона. Идиот! Алкоголик, одним словом!

– Странно это все, – вдруг задумалась Старкова. И упустила из виду, каким неадекватным образом подействовала ее задумчивость на Мишина Бориса Ивановича. Он насторожился, нахохлился и косился то в ее сторону, то в сторону аппарата внутренней связи.

– Странно что? – не выдержал он ее молчаливой прострации.

– Странно, что разговор об этом вообще он завел. Откуда-то ноги произрастали у пьяной его болтовни! Так откуда?

Она говорила скорее сама с собой, на мгновение позабыв про Мишина. Но он вдруг рассердился и посоветовал ей, сопроводив совет невежливым фырканьем:

– Пойдите и спросите, раз вам так интересно.

– И пойду! – Катерина сорвалась с места, быстро дошла до двери, схватилась за ручку, но обернулась на Мишина и обронила с вызовом: – И спрошу!..

Она уже вышла из его кабинета и дверь плотно за собой закрыла, поэтому не могла слышать, как Мишин снял трубку и со вздохом доложил своему начальству:

– Кажется, Иван Дмитрич, дождались мы с вами все-таки проверки.

– Это ты о чем?

– Да была тут у меня сейчас фифа одна. Больно деловая! Совала мне в нос удостоверение оттуда!.. – Борис Иванович назвал структуру и аж вспотел с перепугу. – Интересовалась Голощиным и кладом его.

– Да?! С чего это вдруг? – Начальство не обеспокоилось, но удивилось. – А сама она как?

– Да так, скажу вам, пигалица какая-то. В сумке купальник, на ногах сандалии, пятки в песке. Может, наврала, что оттуда? Хотя удостоверение...

– Ты данные с удостоверения списал? – перебило его начальство.

– Не переписал, но запомнил, – похвалил себя Борис Иванович.

– Диктуй! – последовал приказ.

Мишин послушно продиктовал серию, номер, месторасположение ведомства, фамилию и имя с отчеством его недавней гостьи.

– Есть у меня человек свой в их кругах, попробую узнать, кого они нам подсунули. А то с ними знаешь как!.. – Начальство протяжно вздохнуло. – Улыбаются, веснушками сверкают, задницы на пляже греют, а потом бац – и петля на твоей шее уже затянута. Узнаем, с кем придется иметь дело, Боря, не сомневайся. Если понадобится, и люкс ей в ведомственной гостинице организуем, и досуг оплатим.

Мишин Борис Иванович повеселел, выбрался из-за стола, подошел к окну и не без самодовольства наблюдал за тем, как его гостя усаживается в свою машину и выезжает со стоянки. Потом встрепенулся, подбежал к столу и записал в блокнот номер ее машины. Мало ли, вдруг понадобится...

Глава 6

Голошихин Иван корчился в муках совести, ну и организма, как водится.

Его колотил озноб. Его бросало в жар. Выворачивало суставы. Сушило горло и желудок дикой жаждой. Он пытался подняться с койки, но ничего не выходило. Старый пружинный панцирь растянулся гамаком до самого пола, и он намертво приковал к себе немощное хозяйское тело. А выбраться ему ох как надо было! Под столом на кухне в одной из бутылок должно было оставаться граммов сто пятьдесят портвейна. Он точно помнил, что не допил вчера, решив завязать.

Завязать не получалось, слишком уж было муторно. Оттого и мучился совестью Голошихин, с болью осознавая, насколько слаб он оказался перед соблазном опохмелки.

Очередная его попытка подняться на ноги не увенчалась успехом, и он снова с протяжным стоном упал на спину. Упал и уставился в потолок прослезившимися глазами.

Как же ему сейчас было жаль себя – несчастного! Так жаль, что впору рыдать по-бабьи. Хоть бы кто зашел к нему! Хоть бы проведаль! Так и сдохнет, и не узнает никто, а он будет лежать, вонять, пока крысы не сожрут!..

Голошихин не выдержал и заплакал, поскуливая.

Сколько пролежал так, жалея себя и вспоминая более счастливые и пьяные свои годы, когда и выпить, и закусить всего было в достатке, он не осознал толком. Очнулся, когда кто-то над ним вдруг закашлял громко и недовольный женский голос произнес:

– Ну и вонища у вас тут, уважаемый!

Иван с трудом приоткрыл глаза и с удивлением уставился на красивую смуглую девушку. Она морщила носик, смотрела на него с явным осуждением и держала в руках стакан с жидкостью.

– Выпейте вот, – протянула она вдруг ему стакан. – Вам станет легче.

– Что там? – перепугался Голошихин воздушным пузырькам, с шипением вырывающимся из стакана.

– Аспирин, не пугайтесь, не отравлю. – Она улыбнулась ему.

– Там у меня под столом в бутылке портвейна осталось немного, – все еще медлил Голошихин, не желая брать стакан из ее рук. – Не нальешь?

– Обойдетесь! – неуважительно фыркнула девица, втиснула в его негнушиеся пальцы адскую траву и приказала: – Пейте, ну!

Пришлось покориться. Он так рассудил: раз станет легче, он после ее ухода поднимется и отыщет свое пойло, а пока диктовать условия не в силах.

Она понаблюдала за тем, как он пьет. Забрала стакан. Встала у окна и, глянув на часы, засекала десять минут. Стояла молча, не приставала. Но когда прошло ровно десять минут, снова начала ему указывать.

– Поднимайтесь немедленно и пойдите умойтесь.

– Зачем? – проблеял Голошихин, ему и впрямь стало хорошо и неотрывно потянуло в сон, вставать он теперь не желал даже из-за портвейна.

– Надо поговорить, – коротко объяснила она.

– Говори, если надо. Вставать я не стану, – заупрямился вдруг Иван.

Во-первых, ему не хотелось оконфузиться перед девицей, начав выбираться из провисшей до пола кровати. А во-вторых, чего это она раскомандовалась?! Не у себя дома, чай, у него, а он где желает, там и говорит.

– Ладно, валяйтесь, раз вам так угодно, – быстро сдалась она. – Меня Катериной зовут. Я хотела поговорить с вами насчет вашей весенней находки. Помните еще о том, что вы наболтали всем на свете, будто бы клад нашли?

Он снова оскорбился.

– Почему это наболтал?! – Голошихин даже сделал попытку встать, безуспешную, правда. – Я и в самом деле нашел сумку с деньгами.

– Сумку все же, ага, – она укоризненно качнула головой. – А чего же в милиции мне сказали, что вы то про чемодан упоминали, то про банковский мешок. То будто бы доллары, то рубли, то миллион, то сотня тысяч. Где правда, дядя Ваня?

Голошихин зажмурился от дикой обиды, захлестнувшей сердце.

Да что же это всякая шмакодявка с ним говорит, как с идиотом?! Почему не верит ему никто?! Потому что он ошибку в тот день совершил, когда...

– Так что же все-таки вы нашли на самом деле и находили ли? – снова пристала к нему Катерина, перепугавшись, что Голошихин сейчас провалится в глубокий похмельный сон и разбудить его не смогут уже никакие силы небесные. – Эй, ну ответьте, пожалуйста! Я... я вам денег дам!

– Денег! – вдруг отчетливо фыркнул он. – Да ты знаешь, сколько денег я держал в руках пару месяцев назад, девушка?! Я был самым богатым человеком на этой улице! Да что там на улице, в городе ни у кого таких денег отродясь не водилось! Только разве в банке.

– Сколько? – прицепилась тут же она.

– Много! – лаконично отрезал он, открыл глаза и глянул на нее с усмешкой. – А тебе что, тоже покоя не дают чужие денежки?

– Тоже? А кому еще покоя они не дают? – вопросом на вопрос ответила Катерина, почему-то сразу вспомнив об Александре.

– Много кому. Таких, как ты, любопытных тут пруд пруди, – неопределенно промямлил Голошихин, уставившись в потолок. – Только в любопытстве этом беда одна. Поверь мне, не нужно тебе ничего знать!

Они помолчали. Голошихин развлекал себя тем, что рассматривал собственный потолок, с которого клочьями свисала паутина. Катерина размышляла, рассматривая из грязного окна улицу.

Деньги все же были, сомнения у нее отпали, хотя Голошихин ничего определенного и не сообщил. А денег, судя по всему, и в самом деле было много. Но вот крутит Иван что-то, темнит и даже на обещанное ею вознаграждение не клюнул. Почему? Чего ему таиться? Пообещал кому-то, что будет молчать, или попросту боится?...

– Как вы нашли ту самую сумку с деньгами? – вернулась Катерина к интересующей ее теме.

– Просто и нашел. Шел по огороду, думал все, сажать мне в этом году картошку или не сажать. Вроде бы и надо, а вроде и ни к чему мне одному, проще купить. – Голошихин дернул худыми плечами. – Дошел до задней калитки, открыл ее. Там дальше у нас поле. Смотрю, трактора работают. Дай, думаю, подойду, спрошу, не картошку ли станут сажать? Если картошку, то на кой черт мне горбатиться! Сходил, поговорил... Не, не картошку, подсолнечник высевать, сказали, будут. Возвращаюсь обратно и глазам не верю. Возле моего забора сумка!

– Что же ее до вас никто не обнаружил? Вы увидели, а те же трактористы мимо проезжали? – тут же вставила въедливая девица.

Но он ждал от нее этого вопроса.

– Так забор у меня в том месте упал. Упал прямо на кусты сирени. Вроде как шалаш получился. Сразу и не рассмотришь, что там есть.

– Как же рассмотрели?

– Так это человек посторонний не рассмотрит, а я свою землю как пять пальцев изучил. – Голошихин с трудом сжал, разжал пятерню, глянул на нее и уронил руку со стоном на кровать. – Я в своем огороде каждый метр знаю. Вот и рассмотрел сумку...

Он не стал говорить, что искал намеренно. Искал все равно что. С утра встал тем днем, лучше бы не вставал, так паршиво было. Вспомнил о недавнем происшествии, о котором много болтали в округе. Вспомнил и пошел наудачу.

Облазил все вокруг. И кромкой поля прошел чуть не с километр. И по кустам пошарил, которые вдоль дороги высадили. Все было пусто. Никаких намеков, подтверждающих местные сплетни. Пригорюнившись, он вернулся к своему упавшему забору и стоял там какое-то время, наблюдая за тем, как пахнут землю.

Перевернутые плугами пласты земли масляно поблескивали на солнце. Полоса за полосой жирный чернозем наступал на прошлогоднюю стерню. Глупые галки тучами кружили над полем, жадно хватая потревоженных червей. Их даже трескотня тракторов не пугала, лезли чуть не под колеса.

Голошихин с тоской тогда еще вспомнил, как сам плужил на такой технике много лет, имел приличный заработок, и даже семья у него была. Жена, дочка и внук. Они и сейчас имелись, но, правда, уже без него. Переехали за реку в многоэтажку, бросив его тут одного, горемычного. Не нужен он им стал в таком вот новом образе – безработный, стареющий и спивающийся. Дочка нет-нет да заедет с мальчишкой, а жена и думать о нем забыла. Денег он, видите ли, не зарабатывает теперь, а что в квартире живут, им полученной, про то забыли...

В жгучей обиде на семью и судьбу Голошихин развернулся с намерением пойти хлебнуть скороспелой бражки, три дня отстояла – хватит. И тут обратил внимание на шалаш, какое лето заселяемый местными пацанами. Шалаш никто специально не делал, он получился сам собой из упавшего забора и сиреневых кустов. Внутри было достаточно просторно, и сам Голошихин не раз там засыпал, разогнав непрошенных жильцов. По осени, он точно помнил, выгреб оттуда все старые ящики, телогрейки, картонные коробки и сжег прямо на поле. Большой костер тогда получился, он даже картошки в углях напечь успел. И ел ее прямо там же, возле костра, с пересоленными огурцами, что Машке-соседке было жаль выбрасывать и она ему снесла.

Так вот убрал он там все по осени, чего же там опять торчит какой-то хлам?!

Голошихин и полез в кусты, обдирая лицо и руки о жесткие сухие ветки. Залез, отдышался, сел прямо на утопанную землю и тут же потянулся к вороху тряпья. Только тряпье оказалось совсем не тряпьем, а курткой, и вполне приличной. Он ее в тот же день очень выгодно толкнул. Но не куртке обрадовался Иван, а тому, что в нее было завернуто.

Он когда сдернул куртку, то опешил моментально, даже рот открыл. Под курткой оказалась сумка. Спортивная, черная, с синей полосой по боку и буквами какими-то заграничными. Голошихин не был силен в иностранном, прочесть не мог. Он поспешил сумку ту открыть. И когда открыл, то чуть не расплакался.

Деньги! Сумка битком была набита деньгами. Только не нашими рублями, а другими, иностранными, с портретами серьезных незнакомых Голошихину мужчин.

Доллары он никогда в глаза не видел, но почему-то сразу подумал, что это они и есть. Сумку закрыл. Обернул ее снова курткой. Ухватил поклажу в охапку и бегом бросился к своему дому.

Он теперь богач!!! Он теперь может себе все купить, что захочет!!! Пускай теперь жена локти кусает. Пускай жалеет, что бросила его когда-то. Уж он над ней покуражится, он поизгаляется, прежде чем простит ее и примет обратно.

Иван Голошихин заперся в избе. Занавесил окна, включил свет и стал выкладывать тугие, пахнущие неожиданным счастьем и богатством пачки на стол. Стола не хватило, хотя он и выкладывал их очень тесно. Принялся перекладывать деньги на пол, заняло полкомнаты. Попытался сосчитать, но куда там! С его-то умом и образованием! Сбился, конечно же, и оставил эту затею для жены и дочки. А пока решил удачу свою сбрызнуть коньяком, да тем, что подороже.

Осторожно вытащив из одной упаковки одну бумажку, Голошихин схватил паспорт и помчался в банк. Пока торопился, воображение рисовало обеспеченную старость, сегодняшнее богатое застолье, новый дом где-нибудь на море. Радужные мечты его осадила отвратительная тетка в обменной кассе.

– Я не могу вам обменять валюту, – прокаркала она, перед этим минут десять изучая купюру под всеми имеющимися в ее конуре детекторами.

– Почему? – возмутился Иван и тут же испуганно спросил: – Она что, фальшивая?

– Нет, она подлинная, но вот ваш паспорт... – Она вложила импортную десятку в его паспорт и вернула обратно. – Он просрочен. Вам еще четыре года назад его нужно было обменять. А вы не обменяли.

– И что? – не понял Голошихин.

– Он у вас недействителен, вот что! – твякнула она из-за стекла. – А по недействительным документам я не имею права обменивать валюту. Поменяете паспорт, тогда и приходите.

Он ушел несолоно хлебавши. Долго бродил по городу, но другого обменного пункта у них не было. У ребят, что крутились с валютой возле центрального универмага, Голошихин обменивать побоялся. Прознают про его находку, убьют, к чертям собачьим. Ограбят сначала, а потом убьют. Уж он потерпит.

Терпел, доколе было можно. Даже плакать однажды принимался с досады. Это надо же: у него полная сумка денег, а он нищий. Через три дня не выдержал. Достал из паспорта все ту же бумажку, сумку спрятал глубоко в подполе за пустой кадкой, где раньше жена капусту квасила. И пошел по улице по знакомым, предлагая купить у него задешево десять долларов. Народ тут же принялся скалиться над ним, задавать вопросы глупые. Он в какой-то момент не выдержал и брякнул, что клад нашел. И пошло-поехало...

– Так обменяли вы десять долларов или нет? – снова прицепилась незнакомая девица, когда Голошихин замолчал.

– Обменял. Потом еще и еще, – он вздохнул. – Потом слух разнесся далеко по округе, пришлось деньги мне и сдать.

– Кому?

– Милиции, кому же еще! – воскликнул Иван, но глаза от нее спрятал за веками, будто снова дремать собрался.

– А почему они говорят, что никаких денег в глаза не видели?

– У них спроси! – возмутился он. – Я вообще ничего больше про эти деньги знать не желаю. А то ходят тут, спрашивают!..

Голошихин врал. Катерина Старкова поняла это без особого труда. Деньги были. Несколько десятков он успел обменять, и установить это, опросив здешних жителей, будет несложно. Но вот куда он их потом дел?! Может, пропил за бутылку?

Эта мысль показалась ей не столь уж глупой. Тетя Маша уже успела рассказать, почему ушла от Голошихина жена, бросив на произвол судьбы дом и хозяйство. Тот спьяну тащил из дома все. Пропил даже цветной телевизор. И если в какой-то момент сумка с долларами показалась вдруг Голошихину неконвертируемой обузой, он мог ее и обменять. Вопрос: с кем у него состоялся этот обмен?

Катерина Старкова шла по улице Дзержинского к дому, где поселилась, и размышляла, не забывая посматривать по сторонам.

Мог Голошихин продать кому-то сумку с долларами из местных? Мог. Но этот местный должен был обладать достаточной силой и могуществом.

Для чего Голошихину понадобилось всем врать, что он якобы снес деньги в милицию? Ответ рождался моментально. Для того чтобы все от него отстали и прекратили допытываться, что, где да откуда. А к милиции ни у кого никаких претензий возникнуть не может, разве что...

Кстати, она совершенно упустила из виду самое главное. Откуда вообще взялась эта сумка с долларами, завернутая в куртку?! Кто спрятал ее в кустах сирени под завалившимся забором Ивана Голощихина, кто потерял или просто оставил? Не с неба же она упала, в самом деле! Надо бы расспросить тетю Машу, уж она наверняка должна знать.

Глава 7

Дедков проснулся оттого, что у него страшно затекла шея. Не открывая глаз, он попытался повернуться и не смог. Надо было окончательно проснуться и посмотреть, в чем дело, но ему было лень. Проснется, сразу увидит, во что они с Савостиным превратили за два дня квартиру, сразу вспомнит про бегство Татьяны, и жить расхочется тут же. А пока лежал с закрытыми глазами в полудреме, было ничего. Не ощущалось всей полноты кошмара.

Проснуться окончательно его все же вынудили. Откуда-то издалека раздался то ли стон, то ли плач, то ли скрип какой-то, и через минуту охрипший от бесконечных споров о дурах бабах Савостин его беспардонно растолкал:

– Вставай, Кирюша. В Москве полдень.

– Да ну! – попытался удивиться Дедков, но тут же понял, что ему безразлично, который час, ему сейчас все буквально безразлично, кроме неповорачивающейся и ноющей шеи. – И что с того?

– На работу бы сходить, – прохныкал Савостин. – Меня моя крыса живьем сожрет. Одна надежда на Ленку. Если она прикроет, все обойдется. Если нет, мне звездац! Вставай, что ли! Пожрать организуй!

– Почему я? – Дедков чуть приоткрыл один глаз и с удивлением обнаружил, что лежит на узком диване в кухне.

– Ты же хозяин, – аргументировал свою просьбу Савостин и тут же полез в холодильник. – Во! У тебя тут бифштексы размороженные, можно пожарить. Для салата всего полно. И картошка с грибами замороженная, высыпай на сковородку и...

– Вот ты и высыпай, – хмуро посоветовал Дедков, сел на диване, потер ладонями шею и глянул на стол, заставленный грязной посудой.

Рюмок и бокалов под минералку оказалось четыре. Оп-па!!! И с кем же они вчера тут зависнуть успели? Не с двух же рук с Савостиным хлебали. Факт, кто-то еще был. Вон и след от губной помады сохранился на двух рюмках.

– С кем это мы? – Кирилл брезгливо покосился в сторону напозаженных стаканов.

– А ты че, не помнишь ничего? Ну ты даешь, Кирюша.

Игорек достал из ящика под духовкой сразу две сковородки. В одну высыпал картошку с грибами, распоров пластиковый мешок острым ногтем на мизинце. Во вторую плотно уложил бифштексы, посолил, поперчил, налил масла, накрыл крышкой и присел к столу.

– Так то же Ленка наша была с подругой.

– А зачем?

Секретаршу Ленку он вспомнил. Трещала тут без умолку и по комнатам носилась, все осматривала, ощупывала, будто приценивалась. Он даже накричал на нее, помнится, когда она в руки ползунки Марка взяла и начала с ними кривляться. А вот подругу...

Подругу Дедков так и не вспомнил, сколько ни старался.

– Слушай, Игорь, – Кирилл продолжал разминать затекшую шею. – А у меня с этой подругой что-нибудь было, нет?

– Смеешься! – Савостин деловито ворочал бифштексы на сковородке. – Ты ужрался моментально! Думаешь, почему ты уснул прямо здесь, на кухне?! А она была ничего девочка. Стильная. Разочаровалась, конечно, не без этого. Но, приняв во внимание твои обстоятельства, ушла не без надежды. И свой номер телефона оставила на зеркале.

Никаких телефонов и подруг, к ним прилагающихся, Дедкову было не нужно. Хотелось в душ, потом плотно позавтракать. Савостин развил такую бурную деятельность на его кухне, что аппетит все же разыгрался. А потом непременно захотелось увидеть Катюшку Старкову. Он

же собирался к ней, для того и липовую командировку оформил. Как-то она там? Позвонить или нет?

Решил нагрять без звонка. Ведь могла наговорить ему гадостей в трубку, после которых он вряд ли поехал бы. Нет, лучше уж как снег на голову.

Картошка с грибами поджарилась до хруста. Бифштексы хоть и выглядели полуготовыми, но тоже были ничего.

– Выпьешь? – предложил Игорь, выставив на стол две запотевшие банки с пивом.

– Нет, хватит, – пробубнил Кирилл с набитым ртом.

Он успел побриться, принять душ и чувствовал себя уже лучше.

Они позавтракали. Вместе прибрали квартиру, и Игорь засобирался, не переставая ныть о своей тяжелой доле подкаблучника. Дедков слушал его вполуха. Ему своей беды хватало за глаза. Жалеть кого-то еще в планы Дедкова не входило.

Заперев дверь за Савостиным, Кирилл вошел в спальню. Огляделся, нашел свою дорожную сумку, которую так и не успел собрать как следует. Доложил туда футболок, носков, застегнул с визгом и понес к выходу. Глянул на себя в зеркало, вздохнул с прискорбием: мешки под глазами могли быть и поменьше. И только вознамерился влезть в кроссовки, когда в дверь позвонили.

Сердце тут же, как напуганный заяц, подпрыгнуло, перевернулось и сжалось до размера мелкой мухи.

Татьяна! Одумалась и решила вернуться вместе с сыном! Поняла, что натворила, и вернулась! Господи...

Никакой Татьяны за дверью не было. Ни Татьяны, ни Марка. За дверью на его пороге топтался Васька Терехов и смотрел так, что Кириллу моментально захотелось утопиться.

– Что еще?! – вскинулся Дедков, как только Васька вошел и швырнул на пол свою борсетку. – Что стряслось?! Или я ошибаюсь?

– Если бы! – фыркнул Терехов и без приглашения поплелся на кухню. – Когда ты ошибался?... Чаем напоишь? А Татьяна где?

– Нету Татьяны, – хмуро отрезал Дедков, взгромоздил на плиту чайник и повторил для убедительности: – Нету и не будет уже никогда.

– О как! Чего это вы, поругались, что ли? – спросил Терехов.

– Не поругались, а расстались. Ушла она... Уехала. Правильнее, папочка ее забрал. Ее и Марка. Один я теперь, понял, Терехов?!

Это сообщение расстроило Терехова еще больше. Все его многолетние надежды рухнули, не успев как следует поднять голову.

Катька Старкова!

Его юношеская любовь, которую он не растратил с годами, а лишь немного притушил, чтобы не выглядеть смешным, снова будет поругана?! Так ведь получается. Теперь, когда Дедков снова свободен, у него – Терехова – совершенно нет никаких шансов.

Ни для кого же не было секретом, что эти двое были просто созданы друг для друга. Ни для кого, кроме них двоих. Только эти два дурака могли свято верить в свою надуманную дружбу, не подозревая, что это самая настоящая любовь и есть.

Катька могла сколько угодно выходить замуж, Кирилл мог сколько угодно жениться, но любить друг друга они от этого не переставали, по наивности душевной называя это дружбой.

Терехов все эти годы терпеливо ждал, когда же, наконец, у них хватит ума во всем признаться друг другу. Время шло, ума не хватало. Множились браки и дети. И он постепенно уверовал, что Катька, наконец, обратит свой взор и в его сторону. Тем более что брак Кирилла и Татьяны казался достаточно удачным и прочным. И тем более что Старкова теперь будет нуждаться в нем, как никогда и...

И тут такая новость!!!

– О как! – с кислой полуулыбкой повторил Терехов, широко разложив на столе свои локти. – И что же теперь?

– А что теперь?

Кирилл вопроса не понял. Вернее, не понял, с какой целью тот был задан. Терехов вел себя как-то странно, поглядывал со значением, хмуρο хмыкал чему-то без конца. И косился в его сторону совершенно не по-дружески, и ведь явился к нему не просто так.

– Кстати, а ты чего пришел? Что стряслось? Неприятности какие-нибудь?

Да, именно в самый разгар своих служебных неприятностей Терехов был у него в последний раз. Было это...

Как бы не соврать, года три назад. Да, точно, именно три года назад навещал его давний приятель – Василий Терехов. Он из-за какого-то неосторожно запущенного слова вот-вот должен был профукать свое повышение, переживал, нервничал, едва слезу не пускал. И Кирилл Дедков его морально поддержал, пил с ним, утешал и советовал забить на все. Потом Терехов пропал почти на полгода. Через полгода позвонил, попросил поздравить его с повышением, и все, и снова тишина.

Нет, праздниками и днями рождения они не пренебрегали, добросовестно отзванивались и поздравлялись, но до визитов дело редко доходило. А тут вдруг...

– Что стряслось, Васька? – чуть успокоившись, переспросил Дедков. – Снова где-то что-то ляпнул, и теперь тебе грозят увольнением?

– Все много хуже, Дед. Ты даже представить себе не можешь, как все плохо! – Терехов поднял на Дедкова тоскливый взгляд и покачал головой. – Я в такой заднице! Я в такой...

– Это я уже понял. Что на этот раз? – Кирилл выразительно посмотрел на часы. – Только учти, сегодня не твой день. Я его тебе посвятить ну никак не могу. Уезжаю потому что. Так что давай поскорее выкладывай и...

– Уматывай, так, что ли! – фыркнул Терехов со злостью. – Вот они, друзья! Одна подставляет под статью. Второй из дома выставляет. Одна – подставляет. Второй – выставляет. А что же! Все верно! Все так и должно быть! Кто станет возиться с неудачником?! Всем нужны победители!

Приблизительно о том же ныл Васька и тогда – три года назад. Так же себя жалел, так же на всех обижался. Только вот в прошлый раз он их с Катькой не затрагивал. А теперь прямо сказал, что кто-то его подставил. И подставившим его человеком была женщина. Кто?!

– А ты, дурак, и не догадался, да? – с неприятной плаксивой интонацией ответил ему Терехов. – Катенька, друг! Катенька Старкова подставила меня так, что мне сегодня предложили написать рапорт!

– Не может быть, Терехов! Ты врешь! Чтобы Катька и кого-то подставила... Это не про нее. Она не способна. Ты, как всегда, драматизируешь.

Кирилл остановился посреди кухни с огненным чайником в одной руке и кухонным полотенцем в другой, уставился на Терехова, как на космического пришельца, и судорожно замотал головой, повторив:

– Ты, как всегда, сгущаешь краски, Вась. Каким боком вообще Катька к твоей замороженной конторе?! Она учительница, ты не забыл?! Все ее преступления перед человечеством сводятся к тому, что она может нарушить скоростной режим на городских улицах, но чтобы... Слушай, ты давай прекращай кручиниться и жалеть себя. Давай-ка выпей чаю с коньячком и расскажи все по порядку.

– Ты же торопишься.

– Ничего, задержусь ради такого случая.

Дедков заварил ему сразу два пакетика. Поставил перед ним сахарницу, сушки с маком, достал из холодильника вареную сгущенку. Подумал, что этого вполне достаточно. Сел напротив Терехова и стал ждать, когда тот напьется.

Выпил тот подряд три чашки, заставляя без конца подогревать ему чайник. От коньяка отказался наотрез, желчно заявив, что он за рулем, а удостоверением теперь вряд ли сможет воспользоваться. Стрескал почти все сушки и начисто выскреб банку с варенкой. Дождался, пока Дедков уберет за ним со стола. И лишь тогда проговорил с печалью:

– Дело дрянь, Дед. И не только у меня, поверь.

– А у кого еще? – Кирилл как раз полоскал его чашку с ложкой и вытряхивал из сухарницы маковые крошки.

– У Катки нашей Старковой неприятности, приятель. И, судя по всему, очень серьезные. Дедков остолбенел просто с намыленной мочалкой в руке.

У Катки неприятности?! Да что такого с ней могло случиться в этом занюханном захолустье, которого и на карте-то наверняка нет?! Или это как-то связано с Тереховым? Уж не он ли гарантировал ей эти самые неприятности, раз считает, что Старкова его подставила? Да он его тогда...

– Ты погоди, не кипятись, – испуганно отпрянул Терехов, когда Кирилл кинулся на него едва не с кулаками. – Выслушай сначала, а потом морду бей. Еще неизвестно, кому ее тогда бить придется. Короче, началось все с того, что она мне позвонила...

Поручение Старковой Терехов выполнил без промедления. Когда-то еще представится случай ей угодить. Хотя и поломался для приличия вначале, но это все для того, чтобы цену себе набить. Так-то обрадовался и побежал, на ходу подметки срывая.

Он навел справки о человеке, которому принадлежал номер телефона, продиктованный ему Каткой.

Тарас Хромин, в узких кругах – Бульба, в недалеком прошлом имел репутацию отменной сволочи. Зарабатывал на всем, на чем можно. Не брезговал заказными убийствами и сутенерством. Потом женился на приличной девушке из приличной семьи. То есть папа у девушки грел задом депутатское кресло в областной Думе. Остепенился вроде бы Тарас Хромин. А когда у него родилась двойня: мальчик и девочка, – то и вовсе перестал на себя быть похожим. По воскресеньям его частенько стали видеть в церкви. Принялся меценатствовать, взяв под опеку один из детских домов города. Раз в месяц раздавал бомжам милостыню в виде пакетов с консервами, дешевой колбасой и хлебом.

– Как у парня крылья архангела не выросли, ума не приложу! – Дедков скептически скривился. – Ты веришь в подобные метаморфозы, Терехов?

– Не особо. Обыватели не дают, – пробормотал тот с ехидством. – Звонят и клеветают на бедного малого.

– Катка? – ахнул Дедков.

– А то кто же! Позвонила и попросила пробить номерок телефонный. Кто его хозяин, я тебе только что рассказал. Приличный же с виду человек, а Старкова утверждает, что этот самый Тарас Хромин вознамерился ее убить!

– Чего-чего?! – ахнул Кирилл и, не желая того совершенно, грязно выругался.

– Слушай дальше, мой хороший. Это присказка, не сказка! Сказка будет впереди! – пообещал Терехов с паскудной многообещающей ухмылкой. – Помнишь, я Катке однажды удостоверение подарил?

– Ну! Помню. То же шутка была вроде бы. А че?

– А то! Наша с тобой умненькая подружка отдыхать спокойно не сумела. Она вперлась в отдел милиции, представила это липовое удостоверение и начала там допрашивать местного участкового.

– Господи! Нет! – простонал Дедков, уже предчувствуя, что из этого всего получилось. – А участковый тот был не дурак, так?

– Именно. Он был не дурак. Он все данные ее с удостоверения слизал. И когда она из его кабинета убралась, настучал своему начальству. То доложило еще выше. Осторожно так

доложило, скажу я тебе. Катька, стало быть, впечатление своим допросом произвела. Начали разбираться. И в результате этих разборок меня сегодня с раннего утра вызвали на ковер и предложили написать рапорт об увольнении. Как тебе, дружище, такой расклад?!

– Впечатляет, – угрюмо поддакнул Дедков.

Такого он не ожидал от своей подруги. Всего, чего угодно, но не такого. Эх ее перекосило на отдыхе однако.

Ну, ладно бы роман какой закрутила с местным красавцем, раз обещала. Ладно бы на чью-то ревность нарвалась и синяков себе нажила. Или на самый страшный крайний случай семью чью-то разрушила. Но...

Но то, что Старкова влипла в какую-то странную историю, где присутствовали бандиты, угрожающие ее убить, милиционеры, которых ей с чего-то вздумалось допрашивать, выходило за все дозволенные рамки.

При этом бандит был и не бандит как бы вовсе, а приличный с виду человек и меценат известный. И, по слухам, давно завязал со своим отвратительным прошлым. Это что же такого нужно было совершить Старковой, чтобы разбудить в нем давно уснувшие инстинкты? Это первое...

А второе – это с какой такой великой блажи ей вздумалось тащиться к ментам и задавать им вопросы?! Совсем рехнулась, что ли?

– И что теперь? – выдохнул Кирилл, с тоской покосившись под подоконник.

– А что теперь, я не знаю! – Терехов сквасил лицо до неузнаваемости и промямлил: – Только это тоже не конец истории, Дед. Это опять-таки не самое страшное.

– Что еще?! – Дедков аж со стула приподнялся и снова потянулся к воротнику Терехова, намереваясь тряхнуть того как следует. – Ты давай не тяни! Что с Катькой?! Ведь с ней что-то...

Терехов кивнул. И даже не особо возмущался, когда Кирилл все же сграбастал его воротник в кулак и тряхнул-таки его. Посмотрел как на больного, и только.

– Ее разыскивают по подозрению в убийстве, Кирилл, – с благоговейным ужасом шепнул Терехов и даже на дверь покосился, будто там стоял кто-то невидимый глазу с явной угрозой их теперешнему благополучию.

– Кого?! Катьку?!

От такой полной идиотической неожиданности на Дедкова даже икота напала. Он выпил подряд две кружки ледяной воды из-под крана, не помогло. Пришлось лезть в бар и наливать себе водки. Терехов тоже запросил. Налил и ему. Они выпили по стопке, закусили мандарином, одним на двоих. Помолчали, потом Дедков снова пристал к Терехову:

– Давай все по порядку. Хотели убить Катьку, так?

– Вроде того, – осторожно согласился Терехов, посасывая мандариновую корочку.

– Убить хотел Хромин Тарас. Я пока не спрашиваю, за что и почему! Ты наверняка этого не знаешь, – прервал возмущенный клекот приятеля Кирилл и продолжил: – Я пока перечисляю... Так вот, ее жизни угрожала опасность. Она попросила у тебя помощи... Предположим, что именно за этой самой помощью она отправилась в местный отдел внутренних дел.

– Не за этим, – робко вставил Терехов.

То, какое впечатление произвел на Кирилла его рассказ, Терехова совершенно сломило.

А еще утверждать смели, голубчики, что между ними ничего не было! Как же не было, если Дедков просто осатанел от страха за нее и от горя! Он просто невменяемым стал, тут же позабыв и про бросившую его жену, и про то, что сына никогда больше не увидит. У него аж глаза остановились, сделавшись безумными. И если это не любовь, то что же?...

– А зачем еще?! – взревел Дедков и пригрозил тут же, сунув ему под нос кулак: – Если сейчас же не расскажешь мне все по порядку, прибуду. Ну!!!

Терехов вздохнул и принялся рассказывать все, что ему стало известно из неприятного утреннего объяснения с начальством. Не таким уж словоохотливым был в то утро его шеф. И все же кое о чем успел рассказать.

– Она наводила справки об одном человеке. Для этого и нужен ей был участковый. Он, по Катькиному разумению, знал все и про всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.